

ВИКТОР АЛЕВЕТДИНОВ

МОНАСТЫРЬ ЖЕЛЕЗНЫХ ЛИС

ПЕЧАТИ НЕБЕСНОЙ КРОВИ

— КНИГА 3 —

ИСТОРИКО-МИСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

18+

Виктор Алеветдинов

**Монастырь железных лис.
Печати Небесной крови. Книга 3**

«Автор»

2026

Алеветдинов В.

Монастырь железных лис. Печати Небесной крови. Книга 3 /
В. Алеветдинов — «Автор», 2026

Большой Хинган, 1652 год. На дороге к монастырю Девяти Затворов Глеб Воронеж и Ли Шэньюэ спасают женщину в железной маске. Она называет себя Лань и утверждает, что в её тело записаны три чужие жизни. Четвёртая должна уничтожить её окончательно. За стенами монастыря людей разбирают на память, голос, страх и лицо, а монахам дают чужие облики. Настоятель уверяет: подмена спасает города от эпидемий, голода и войны. Но Глеб и Ли узнают, что древний договор их предшественников превратил защиту в рабство. Чтобы остановить Ночь тысячи лиц, Глебу придётся сразиться с двойником, который помнит его прошлое лучше него самого. Ли должна решить, готова ли она уничтожить наследие собственного рода. А освобождённые лисы вовсе не обязаны становиться союзниками. Кому принадлежит имя человека — тому, кто его носит, или тому, кто сумел записать его первым?

Содержание

Часть I. Девушка с железным лицом	5
Глава 1. Следы, ведущие к людям	5
Глава 2. Три жизни под железом	10
Глава 3. Дорога, отнимающая имя	16
Глава 4. Город без пропавших	21
Глава 5. Вернувшийся отец	26
Глава 6. Девять гвоздей	32
Глава 7. Очищение на постоялом дворе	37
Глава 8. До тёмной луны	43
Часть II. Девять камер	48
Глава 9. Монастырь в ледяном лесу	48
Глава 10. Настоятель-врач	53
Глава 11. Камера страха	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Виктор Алеветдинов

Монастырь железных лис.

Печати Небесной крови. Книга 3

Часть I. Девушка с железным лицом

Глава 1. Следы, ведущие к людям

Лошадь Боро встала перед мостом и упёрлась копытами в наст. Следопытка не стала тянуть повод. Соскочила, присела у обочины и сняла рукавицу.

— Через воду уходил зверь, — сказала она. — Обратно вернулся человек.

Глеб Воронец придержал своего мерина. За несколько недель пути из Северной столицы животное смирилось со снегом, скудным кормом и Саввиными песнями, но мост ему тоже не понравился.

Под промёрзшими досками шумел горный приток. Вода била в сваи, обросшие льдом. На другом берегу дорога сразу уходила между сосен.

— Зверь хотя бы платил за проезд? — спросил Савва Кривич.

— Спроси у моста, — ответила Боро.

Ли Шэньюэ подъехала ближе. Под её дорожным плащом лежал свёрток в промасленной ткани — копия старого договора, ради которого они шли к Большому Хингану. Глеб хотел доставить её в монастырский архив и до проверки записей не ввязываться в новый спор. Он посмотрел на снег.

Лисьи следы тянулись из леса к мосту. Посреди моста задние лапы стали длиннее, появилась пятка. Последние отпечатки у ближнего края оставили босые человеческие ноги. Правая ступня кровила.

— Под настилом, — сказала Боро.

Глеб снял с плеча короткий топор. Меч на узком мосту только мешал бы.

— Савва, держи лошадей. Ли, проверь доски.

Она вынула нефритовую пластину и провела над настилом. В древесине проступила чёрная черта, уходившая под снег.

— Здесь условие. Его недавно привязали к железу.

Снизу дважды ударили по настилу. Глеб подошёл к перилам и увидел под мостом женщину: она держалась за балку и прижимала к боку нож. Железную маску покрывал иней, забивший прорези для глаз.

— Руку дай, — сказал Глеб.

Женщина подняла голову и сказала:

— Имени не спрашивай.

— Сейчас мне нужна рука.

Она убрала нож и потянулась к нему. На запястье темнела полоса от кандалов. Глеб лёг на настил, ухватил её и потянул. Женщина оказалась над краем, и из леса донёлся свист. Стрела ударила в перила возле его локтя.

Глеб рванул женщину вверх. Она перекатилась через край и сразу встала. От второй стрелы ушла коротким шагом конного бойца. Потом перехватила нож обратным хватом и опустила на колено. Следующее движение было монастырским: раскрытая ладонь перед грудью, босая ступня поперёк доски. Её тело помнило три разные школы.

Из леса вышли шестеро в дорожных плащах. У каждого на поясе висела железная бирка. Двое несли копьё, третий держал фитильное ружьё. Старший положил ладонь на саблю.

— Отойдите от заражённой, — сказал он.

Савва перевёл. Глеб и без перевода понял главное: человек указывал на женщину так, как указывают на выпавший из телеги тюк. Ли вышла вперёд.

— Назовите болезнь.

Старший показал медную дощечку с девятью прорезями и сказал:

— Мы служим монастырю Девяти Затворов. Женщина опасна для поселений у перевала.

— Чем?

— Её природа меняется без разрешения, — перевёл Савва.

Женщина в маске попятилась. На шее под воротом Глеб заметил старый шов.

— Не называйте меня, — сказала она. — Ни одним прежним именем.

Старший повернулся к Глебу и сказал:

— Мы сохраним ей жизнь. Передайте её нам, и сможете ехать дальше.

Он говорил спокойно, но копейщики уже расходились к концам моста. Жизнь женщине, возможно, и сохранят. Только старший решил, что эта жизнь ей больше не принадлежит.

— Врёт, — сказал Глеб.

— Я поняла, — ответила Ли по-русски.

— Он говорил на своём языке.

— Ты сказал это лицом.

Савва вздохнул и заметил:

— Дорога заставила ваши лица говорить за вас.

Старший снял с пояса железную бирку. На ней было вырезано женское лицо, под ним шли две строки знаков. Ли остановилась у первой доски.

— Покажите бирку свидетелю.

— Свидетель уже указан.

— Тогда зачем вам наше признание?

Старший повернул пластину; чёрная линия в досках отозвалась. Под ногой женщины хрустнуло дерево. Она дёрнулась, и колено подломилось: печать связала звук с движением.

— Им нужно, чтобы дорога признала её беглянкой при посторонних, — сказала Ли.

Глеб спросил женщину:

— Хочешь к ним?

Она мотнула головой, и Глеб сказал:

— Этого достаточно.

— Для тебя, — возразила Ли. — Для печати пока нет.

Старший произнёс имя. Женщина согнулась и прижала руки к маске. Она пыталась ответить, но из горла вышел хрип. На бирке блеснула первая строка.

— Не отвечай, — приказала Ли.

Прозвучало второе имя. Женщина выпрямилась и бросилась на Глеба.

Нож шёл под рёбра. Глеб отбил запястье топором, поймал её за локоть. Она ударила пяткой в колено и попыталась захватить его шею движением из другой школы. Он прижал её к перилам.

— Это ты делаешь?

— Они вызывают ту, которая умеет убивать.

Очищающие двинулись вперёд. Первая доска треснула под копейщиком. Такая же трещина появилась под ногой Глеба. Второй копейщик ускорился, и настил возле Саввы хрустнул.

— Лошадей назад! — крикнул Глеб.

Савва потянул поводья. Тележка с припасами пошла боком. Боро подхватила вожжи и перерезала одну постромку, остановив её у края дороги.

— В столице нас хотя бы пытались убить на крепкой земле.

— Здесь стараются лучше, — ответила Боро.

Ли сняла с запястья катушку шёлковой нити. Один конец закрепила на нефритовой пластине, другой бросила через перила. Нить легла поперёк чёрной черты.

— Глеб, не наступай туда, где наступают они.

— Других досок мало.

— Значит, используй перила.

Первый копейщик ударил. Глеб отбил наконечник и шагнул на обледеневший брус. Доска под противником раскололась, а под сапогом Глеба трещина не появилась. Условие считало только настил.

Он прошёл по перилам, оглушил копейщика обухом. Второй очищающий попытался перерубить шёлковую нить. Ли свела пальцы. Шёлк вошёл в щель между досками и перерезал чёрную линию. Треск оборвался на половине моста.

Её правая рука дрогнула. Глеб заметил.

Ружейник поднял ствол. Фитиль коснулся полки, но порох зашипел и погас от мокрого снега. Боро выпустила стрелу. Она пробила рукав и пришила ткань к столбу.

— Живой, — сказала Боро. — Пока не дёргается.

Старший провёл пальцем по бирке. Женщина в маске снова вздрогнула. Её правая рука подняла нож, левая сложила монастырский знак.

— Назови себя, — приказал старший.

Женщина ударила себя рукоятью по маске, не давая рту открыться. Глеб спрыгнул с перил. Трещина рванулась к нему. Доска ушла вниз, и он провалился одной ногой. Внизу кипела вода. Женщина схватила его за ворот и потянула вверх. Через прорези маски он увидел кровь на её ресницах.

— Не позволяй им прочитать вторую строку, — сказала она.

Копьё скользнуло по доскам. Глеб зажал древко под мышкой и подтянул копейщика. Женщина ударила его локтем в горло, затем отшатнулась, словно сама не ожидала удара.

— Чья это была рука? — спросил Глеб.

— Не моя.

— Разберёмся позже.

Он выбрался из пролома. Старший стоял в трёх шагах, бирка лежала на раскрытой ладони. Теперь Глеб видел женское лицо без маски. Верхняя строка была перечёркнута. Нижняя заканчивалась знаком лисьего хвоста.

Ли бросила нефритовую пластину. Она скользнула по настилу к сапогу Глеба.

— Верхняя строка называет человека, — сказала она. — Нижняя объявляет лисью природу собственностью монастыря. Эти записи исключают друг друга.

— Проще.

— Для этой печати она сейчас вещь.

Старший шагнул к женщине и произнёс:

— Имущество Девяти Затворов подлежит возврату. Удерживающий его принимает долг на себя.

Бирка потяжелела в его руке. Перила покрылись инеем, чёрная линия пошла к Глебу.

— Не касайся железа, — сказала Ли. — Оно назначит тебя удерживающим.

— Уже назначило.

— Отойди. Я перепишу свидетельство.

— Сколько крови?

Ли промолчала. Значит, много.

Глеб сунул топор за пояс и пошёл к старшему. Тот выхватил саблю. Первый удар Глеб принял ножами, второй пропустил над плечом. Потом сблизился и врезал противнику лбом в лицо. Старший отступил, но бирку удержал.

Женщина закричала. Нижняя строка на железе светилась красным, её тело тянуло к владельцу. Глеб поймал старшего за запястье.

Холод вошёл в ладонь. Печать предъявила условие целиком. Названное лисой теряет человеческое имя. Возвращающий имущество подтверждает власть владельца. Мешающий занимает место беглянки в долге.

Женщина была записана человеком, лисой и вещью. Узел держался, пока ей запрещали ответить, кем она себя считает. Глеб сжал бирку.

— Она отказалась.

Кулак старшего пришёлся ему в висок, и тот сказал:

— У собственности нет отказа.

— Тогда у тебя нет договора.

Глеб принял несовместимые строки в себя. Мост исчез.

Перед ним стоял зимний лагерь, которого он не помнил. Низкие палатки тонули в снегу. На шесте висела железная маска. У костра лежал человек в серой шубе, а Глеб держал окровавленный нож и смотрел на собственные руки. Он знал спуск к ручью за дальней палаткой и не знал, откуда. Картина оборвалась. Бирка треснула пополам.

Глеб снова оказался на мосту. Старший очищающий отлетел к перилам. Женщина упала на колени, но её больше не тянуло вперёд. Нижняя строка на обломке погасла.

Боль пронзила виски. Глеб вытер нос рукавом и увидел кровь. Ли подхватила половину бирки раньше, чем та провалилась между досками.

— Ты сломал право владения, — сказала она.

— Полезное дело.

— Только на этой бирке. Монастырь выпишет другую.

— Поговорим с писарем.

— Ты видел память?

Глеб всё ещё видел лагерь яснее моста и ответил:

— Видел место.

— Своё?

— Не знаю.

Ли обычно продолжала расспросы, пока не получала точный ответ. Сейчас она спрятала железо в отдельный мешочек и промолчала. Потом завязала его и посмотрела на Глеба.

— Мы договаривались не принимать новый спор до архива.

— Она сказала, что не хочет возвращаться.

— Я слышала. Но ты принял долг за всю группу.

— Можешь оставить меня им.

— Не предлагай решений, которые сам считаешь подлостью.

Глеб вытер кровь с губы и сказал:

— Тогда спор уже наш.

Ли задержала взгляд на его руке и согласилась:

— Наш. Но следующую печать ты не ломаешь, пока я не назову цену.

— Если успеешь.

— Я успею, если ты хотя бы раз не полезешь вперёд раньше мысли.

— Мысль медленная.

— Твоя — особенно.

Савва, услышав перевод последней фразы от самого Глеба, хмыкнул. Боро уже проверяла уцелевшие доски и не стала вмешиваться.

Очищающие отступили к лесу. Старший прижимал ладонь к разбитому носу. Перед уходом он положил у моста свиток и прижал камнем. Савва поднял бумагу щипцами.

— Требование о выдаче до следующего заката. Потом нас признают укрывателями заражённой природы.

— Уже признали, — сказала Боро.

— Теперь сделали это письменно. Бумага любит приходить после плохого поступка.

Глеб подошёл к женщине. Она сидела у перил, обхватив себя руками. На маске осталась вмятина.

— Можешь встать?

— Могу.

— Как тебя звать?

Она замерла. Ли хотела вмешаться, но Глеб поднял ладонь.

— Не прежнее имя. То, на которое ты сама согласна ответить.

Женщина долго смотрела на него через прорези и сказала:

— Лань. Сейчас меня зовут Лань.

Имя не вызвало судороги. Только пар вышел из отверстий маски.

Савва подал ей меховой плащ. Боро сняла с седла запасные сапоги, посмотрела на окровавленные ступни и добавила шерстяные чулки.

— Вернём.

— Чулки после такой дороги не возвращают.

— Хороший обычай.

Лань натянула плащ. Глеб поднял её нож и протянул рукоятку вперёд.

— Ты сказала, что они вызывают разных людей. Сколько их?

Лань взяла оружие и сказала:

— Я прожила три чужие жизни. Солдата, сборщицы податей и женщины из монастыря. От каждой во мне оставили нужную часть.

Ли подошла ближе и спросила:

— А четвёртая?

Лань повернула железное лицо к дороге и ответила:

— Этой ночью монастырь собирается записать в меня четвёртую. После неё отвечать будет уже некому.

Глава 2. Три жизни под железом

К дорожной станции они добрались в темноте. Крыша над конюшней просела, но стены ещё держали тепло. После моста этого хватало.

Боро увела лошадей под навес. Савва растопил печь щепой из лавки. Глеб проверил засов, а Ли развернула на столе нефритовые пластины.

Лань сидела у огня, не снимая железной маски. На её плаще таял снег. Кровь с босых ступней уже проступила через шерстяные чулки, которые дала Боро.

— Сапоги снимай, — сказал Савва.

— Я только надела.

— Потому и снимай. Пока они не решили стать частью ног.

Лань посмотрела на него через прорези.

— Ты лекарь?

— Сегодня да. Если больная будет слушаться.

Лань позволила Савве разрезать чулки, и он промыл ступни, перевязал порезы, затем попросил её поднять волосы. Она медлила, но всё же собрала их на затылке.

Ли подошла ближе.

Край маски уходил за уши и крепился не ремнями. Железные пластины входили под кожу короткими загнутыми скобами. Вокруг каждой остались старые рубцы. Под челюстью шов тянулся к горлу.

Савва осторожно коснулся одного рубца.

— Делали давно. Потом вскрывали ещё дважды.

— Трижды, — сказала Лань.

Голос прозвучал ниже, чем на мосту.

Савва убрал руку.

— Сейчас говорила ты?

Лань сжала пальцы на краю скамьи.

— Не знаю.

— Не пей через силу. Сначала скажи, что происходит, когда слышишь прежнее имя.

— Тело отвечает раньше меня.

— Как?

— Одно имя заставляет нападать. Другое — считать людей и припасы. Третье велит стоять у двери и ждать приказа.

— Имена помнишь?

— Да.

— Не произноси.

Глеб повернулся к ним.

— Она и не собиралась.

Ли услышала упрёк. После моста он следил, не ставит ли она устройство выше человека.

Она разложила девять пластин полукругом: на каждой была одна незавершённая черта, а в центре оставалось пустое место.

— Маска должна понимать, к кому относится вопрос, — сказала Ли. — Прежние имена использовать нельзя. Значит, нужно имя, которого в ней нет.

— Лань, — ответила женщина.

— Ты выбрала его сама?

— На дороге.

— Почему именно его?

— На рынке женщина звала так упрямую дочь. Девочке позволили не надевать шапку. Мне это понравилось.

Боро бросила у стены охапку соломы.

— Хорошее имя. В снегу далеко слышно.

— И шапку можно не надевать? — спросил Савва.

— Можно. Уши потом получают свои имена.

Лань впервые тихо засмеялась. Смех тут же оборвался: железо у виска щёлкнуло, тело выгнулось, и чашка упала на пол.

Савва удержал её плечи. Глеб оказался рядом, но не прикоснулся, пока Лань не кивнула. Тогда он подставил руку под затылок, чтобы маска не ударилась о стену.

Ли увидела, как на нижней пластине проступила строка. Смех не совпал ни с одним записанным умением, и маска попыталась вернуть носительницу к привычному состоянию.

— Смотри на меня, — сказала Ли. — Как тебя зовут сейчас?

Лань открыла рот, но железо сдавило челюсть.

— Не заставляй, — сказал Глеб.

— Если она не подтвердит имя, приступ повторится.

— Тогда объясни ей, что делаешь.

Ли остановилась. Глеб был прав, и это раздражало сильнее его обычной грубости.

— Я могу закрепить имя на одну ночь, — сказала она Лани. — Оно станет слабой стороной договора. Маска не обязана признать его полностью, но не сможет сразу подавить. Для этого нужна моя кровь и твоё согласие. После записи у тебя может усилиться боль. Железо попытается доказать, что выбранного имени не существует.

— А если не делать?

— Следующий приступ может повредить горло или разорвать старый шов.

— Ты сможешь снять маску?

— Пока не знаю.

Лань повернулась к Глебу.

— Она всегда отвечает так?

— Когда хочет сказать правду.

— А когда не хочет?

— Тогда говорит дольше.

Ли проколола палец чуть сильнее, чем требовалось.

— Я всё слышу.

— На это и надеялись, — сказал Савва.

Капля крови упала между пластинами. Ли провела кистью линию и оставила её незамкнутой.

— Назови себя.

Маска снова сжала Лань челюсть, но она подняла голову.

— Я выбрала имя Лань.

— Кто подтверждает выбор? — спросила Ли.

— Я подтверждаю, — сказал Глеб.

— Ты уже связан с биркой монастыря. Твоё свидетельство могут признать спорным.

— Тогда я, — отозвался Савва. — Я слышал её выбор на мосту.

Боро подошла к столу.

— И я. Имя не перепутаю.

Ли добавила:

— Я подтверждаю, что имя выбрано без приказа.

Кровавая линия замкнулась. Одна из девяти скоб у виска приподнялась. Между железом и кожей появился просвет.

— Она ослабла.

— Только один зажим, — сказала Ли. — Не трогай его.

— Я не собиралась.

— Собиралась, — заметил Савва. — У тебя пальцы уже там.

Лань убрала руку.

Ли поднесла нефритовую пластину к просвету. На камне появилась тёмная точка, затем от неё разошлись три линии. Они не пересекались, хотя шли к одному центру.

— Три записи.

— Три покойника? — спросил Глеб.

— Их умения. Личности целиком не сохранились.

Лань повернула голову.

— Они говорят.

— Маска воспроизводит их ответы.

— Иногда они спорят.

— Записи могут противоречить друг другу. Это не значит, что люди продолжают жить внутри железа.

— Значит, я мучаюсь из-за записей, — сказала Лань.

— От этого тебе не легче.

— Запись хотя бы не обижается, когда я хочу от неё избавиться.

Савва сел напротив.

— Что маска делает сейчас?

Лань прислушалась к себе.

— Считает вас.

Её плечи опустились, голос изменился, и слова пошли быстро, с привычкой человека, который диктует писарю.

— Пять взрослых. Четыре лошади. Запас крупы на шесть дней, если степная женщина перестанет кормить своего коня из общего мешка.

Боро медленно повернула голову.

— Мой конь работает за двоих.

— Он ест за троих, — из-под маски ответил чужой голос.

Глеб усмехнулся.

Ли коснулась второй пластины, и голос оборвался. Руки Лань сами опустились на колени, спина выпрямилась, после чего она заговорила низко и коротко:

— Дверь слабая. Окно слева. Мужчина у стены хромот после старой раны. Первым ударить лекаря, затем мастера.

Глеб переместился так, чтобы Савва оказался у него за спиной.

— Полезная привычка, — сказал он. — Но лекаря оставь на потом. Он ещё ужин не сварил.

Савва заглянул в котелок.

— После такого доверия могу и не сварить.

Ли убрала пластину, но правая рука Лань пошла к ножу, и Глеб прижал ножны сапогом.

— Лань, назови себя.

Женщина дёрнулась.

— Я... Лань.

Скоба у виска поднялась ещё немного. Чужая стойка исчезла.

— Выбранное имя возвращает ей управление, — сказал Савва.

— На короткое время, — ответила Ли. — Пока свидетели рядом и запись не оспорена.

— Значит, нам нельзя расходиться.

— Значит, маску нельзя оставлять без наблюдения.

Лань сжала край плаща.

— Третья заговорит сама. Она всегда приходит, когда мастер касается внутренней строки.

Ли взяла другую пластину.

— Эта женщина была из монастыря?

— Да. Я видела её лицо в воде. Старше тебя. На лбу знак из девяти точек.

— Имя?

— Ты просила не произносить.

— Верно.

Глеб повернулся к Ли. Она сделала вид, что занята пластинами.

Третья линия уходила под внутренний обод. Чтобы прочитать её, требовалось приподнять зажим.

Ли взяла узкий инструмент и ввела его в просвет.

Глеб перехватил её запястье.

— Ты не спросила.

— Я уже объяснила цель.

— Ты объяснила запись имени. Сейчас делаешь другое.

— Мне нужно увидеть внутренний слой.

— Ей нужно решить, можно ли его открывать.

— Если я каждый раз буду останавливаться, маска успеет закрыть зажим.

— Тогда остановись быстрее.

Ли высвободила руку.

— Ты предлагаешь лечить её вслепую?

— Я предлагаю не делать с ней то же, что делал монастырь.

В печи осыпался уголь, пока Лань мяла край плаща.

Ли положила инструмент на стол.

— Под зажимом может проходить кровеносный сосуд. Если я открою крепёж без подготовки, ты потеряешь кровь. Возможно, много. Мне нужно посмотреть край внутренней пластины. Боль усилится. Ты можешь отказаться.

— Если откажусь, что изменится?

— Мы останемся здесь до утра и попробуем найти другой способ. Очищающие получают время перекрыть перевал.

— Значит, мой отказ задержит всех.

— Да.

Глеб нахмурился, но Ли продолжила:

— Это цена, а не довод против отказа. Решение твоё.

Лань долго молчала.

— Открой один зажим. Если я скажу остановиться, уберёшь инструмент.

— Уберу.

— Даже если увидишь ответ?

Ли почувствовала, как немеют кончики двух пальцев.

— Даже тогда.

Глеб перестал следить за её рукой, но от стола не отошёл.

Савва встал за спиной Лань и приготовил ткань. Боро подложила щепку под ножку стола.

— Теперь можно заниматься опасной наукой. Стол хотя бы не виноват.

Ли ввела инструмент под скобу и повернула. Железо поддалось на толщину ногтя; из старого шва выступила кровь. Савва прижал ткань ниже уха.

Маска загудела. Звук шёл через кости, и Лань стиснула кулаки.

— Продолжать? — спросила Ли.

— Да.

Она коснулась нефритом внутренней пластины.

Лань откинула голову. Когда заговорила, голос стал женским, спокойным и властным:

— Носитель пригоден. Воинское умение закреплено. Счётная служба закреплена. Послушание требует исправления.

Ли не двигалась.

Это была запись наставницы, а не её дух. И всё же построение фразы принадлежало школе, которую Ли знала с детства.

— Кому принадлежит лицо? — спросила она.

— Лицо выдаётся на срок службы.

— Кто назначает срок?

— Владелец затвора.

— Кто владеет носителем?

Лань содрогнулась, и из-под маски потекла кровь.

— Остановись, — сказала она своим голосом.

Ли сразу вынула инструмент. Скоба опустилась, но уже не защёлкнулась до конца.

Савва занялся швом, а Ли проверила нефритовую пластину, на которой осталась часть внутренней формулы.

Четыре набора умений были разделены между разными строками. Навык можно было передать без голоса. Послушание связывалось с болью. Лицо считалось имуществом того, кто подтверждал новую запись. Кровь при этом оставалась общей. Три чужие записи расходовали силы Лань.

— Они не вселяли людей, — сказала Ли. — Они разбирали их на пригодные части.

Лань вытерла кровь с подбородка.

— Это должно меня утешить?

— Нет.

— Хорошо. Сегодня утешения и без того много.

Ли поднесла пластину к огню. Внизу проявился знак, скрытый под чужой правкой. Две встречные линии, разрыв в левой дуге и короткий штрих, который разрешалось ставить только признанному мастеру клана Ли.

Её пальцы перестали чувствовать нефрит. Пластина выскользнула, но Глеб успел поймать её над полом.

— Рука? — спросил он.

— Два пальца.

— Надолго?

— Не знаю.

Он вернул пластину на ткань, не касаясь её ладони.

— Что там?

Ли указала на знак.

— Основа сделана по канону моего рода.

Савва поднял голову.

— Могли скопировать?

— Внешний знак — да. Этот разрыв ставили во время чтения. Его нельзя перенести с готовой печати.

Под знаком проступила ещё одна строка. Ли прочитала её один раз, затем второй. В известных ей реестрах такого права не существовало.

— Что написано? — спросила Лань.

Ли ответила не сразу.

— Монастырю разрешено назначать владельца человеческого лица.

Глеб опёрся ладонью о стол.

— Твой клан дал им это право?

— Эта строка добавлена позже. Но основа наша.

— Ты знала о ней?

— Нет.

Маска щёлкнула. Лань подняла голову, и голос наставницы произнёс старую формулу клана Ли:

— Когда северные врата падут, кровь мастера закроет путь, а оставшиеся примут молчание как согласие.

Ли знала эти слова. Их произнесли в ту ночь, когда она закрыла внутренние врата и оставила родных по другую сторону.

Она не чувствовала двух пальцев, но холод от нефрита уже поднимался к запястью.

Лань никогда не была во владениях клана Ли. Маска всё равно хранила формулу, которую не должны были вынести из погибшего дома.

Глава 3. Дорога, отнимающая имя

На рассвете Боро врезала ножом крест в сосну и сказала, что второй раз мимо него они не пройдут. Через четверть часа крест снова оказался справа от дороги.

Глеб остановил мерина и изучил следы. Они тянулись к камню у обочины, хотя после первой отметки отряд свернул на северную тропу. Снег там лежал нетронутым, но вывел их к тому же месту.

Камень доходил Глебу до колена. На нём был выбит знак открытой двери, а в щель у основания забился свежий воск. Лошади тяжело дышали после подъёма. В запасном мешке осталось не больше половины овса, и Боро не собиралась тратить корм на прогулку по кругу. До закрытия перевала им требовалось найти настоящий проход.

— Мы шли вверх, — сказал Савва. — Гора считает иначе.

— Гора ни при чём, — ответила Ли Шэньюэ.

Она спешила, не сгибая двух онемевших пальцев. После чтения маски рука слушалась хуже, и Глеб видел, как она это прячет. Ли поднесла к камню нефритовую пластину. На снегу за их спинами исчезли последние отпечатки.

Лань сидела на лошади Боро. Железная маска была обмотана тканью, чтобы иней не забил прорези.

— Он возвращает незаписанный шаг, — сказала она. — В монастыре так закрывают служебные дворы.

— Здесь закрыли перевал, — ответила Ли. — Камень только первый якорь.

Боро присела возле следов и провела рукой над снегом.

— Они настоящие до сосны. Потом дорога переставляет их сюда.

— Пойдём без дороги, — решил Глеб.

Они поднялись между деревьями. Снег доходил лошадям до брюха. Боро выбирала места, где корни держали наст. Вскоре лес поредел, открылось ущелье, но путь снова перекрыл тот же камень.

Савва снял шапку, вытряхнул снег и узнал знакомый знак двери.

— Я начинаю уважать его настойчивость.

— Уважай молча, — попросил Глеб.

Ли нашла под сугробом железную цепь; она уходила вверх к караульной будке. Оттуда начиналась тропа к подвесному мосту; за мостом виднелся настоящий перевал.

— Дорожная книга рядом, — сказала Ли. — Она держит врата.

Из будки вышли четверо в серых плащах со знаками монастыря Девяти Затворов. Двое несли копыя, третий держал короткий лук. Старший положил на каменную подставку книгу в деревянном футляре. Цепь от переплёта уходила вниз к дорожному якорю.

Савва перевёл приветствие. Старший раскрыл книгу и провёл пальцем по двум строкам.

— Глеб Воронец и Ли Шэньюэ могут пройти до полудня. Остальные в реестр не внесены.

— Внесите, — ответил Глеб.

— Книга закрыта на зимний срок.

— Для нас открылась.

— Для двоих. Монастырь уважает ваше право проверить старый договор.

Ли приблизилась к подставке, но не коснулась страницы.

— Откуда вам известны наши имена?

— Из Северной столицы пришло уведомление.

Глеб понял: уведомление действительно пришло из столицы. Обман скрывался в причине, по которой из списка убрали его спутников.

— Почему нет Саввы и Боро?

— Они не стороны спора.

— А Лань? — спросила Ли.

При имени женщина вздрогнула, но временная запись удержала тело. Старший посмотрел на неё.

— Это имя не признано.

— Она сама его выбрала.

— Монастырь не был свидетелем.

— Её выбор не требует вашего разрешения.

— Для дороги требует.

Старший закрыл книгу ладонью и подтянул футляр к себе.

— Передайте беглянку очищающим. Переводчик и проводница вернутся. Вы двое пройдёте к архиву.

— Щедро, — сказал Глеб. — Одну забираете, двоих гоните назад, а нам оставляете мост.

Савва перевёл. Старший выслушал его и ответил:

— Перевал закрыт из-за опасной природы. Мы не можем пропускать всех, кого путник назовёт спутником.

— Она идёт с нами, — сказал Глеб.

— Тогда никто не идёт.

До полудня оставалось мало времени, а вечером монастырь должен был записать в Лань четвёртую жизнь. Глеб прочитал строку со своим именем.

— Впиши её подо мной.

Ли повернулась к нему и прикрыла страницу ладонью.

— Нет.

— Книга признаёт меня. Пусть идёт как мой человек.

— Печать может принять вас за одного путника и начать делить между вами то, что подтверждает имя.

— На мосту разберёмся.

— Там будет поздно.

Старший подвинул книгу ближе и постучал пальцем по свободному месту рядом со строкой Глеба.

— Такой способ допустим. Владелец имени принимает ответственность за зависимого.

Глеб услышал в его словах удовлетворение. Они хотели именно этого.

Лань наклонилась к нему. Ослабленный зажим на маске тихо стукнул о железо.

— Не делай.

— Другого прохода нет.

— Я прожила под чужими именами достаточно. Не бери моё себе.

— Я даю своё на один переход.

Ли встала между ним и подставкой, заставив старшего убрать книгу дальше.

— Ты не можешь назначить срок, которого нет в условии. Я запрещаю касаться книги.

— Запрещаешь?

— Да. Когда рядом человек, который сначала платит, а потом спрашивает цену, это полезно.

Глеб протянул руку мимо неё и коснулся строки. Чернила стали холодными. Его имя распалось на два одинаковых следа. Один потянулся к Лань. Она вскрикнула и схватилась за маску.

— Назови себя, — сказала Ли.

— Лань.

Книга не отозвалась. На странице имя Глеба потемнело.

— Теперь ты, — потребовала Ли.

Он открыл рот, но слово не пришло. Глеб знал, как имя пишется и как Савва передаёт его на другом языке, однако произнести не смог. В памяти осталось пустое место.

Лань подняла руку. Пальцы повторили его привычный хват на топориче.

— Убери ладонь! — сказала Ли.

Глеб отдёргнул руку. Чернила удерживали кожу. Книга отпустила его после того, как Ли ударила нефритовой пластиной по цепи.

Он отступил. Имя вернулось не сразу.

— Глеб, — сказала Боро. — Так тебя зовут.

— Помню.

— Ты не ответил.

— Теперь отвечаю.

Лань держала руку у пояса. Глеб осторожно отвёл её пальцы от оружия.

— Что ты почувствовала?

— Твою дорогу. Ноги знали, где встать. Я — нет.

Ли схватила Глеба за запястье и проверила пульс. Её собственные пальцы едва касались его кожи.

— Ещё один шаг под общей строкой, и книга начала бы стирать границу. Ты мог уничтожить её выбор.

Глеб хотел сказать, что понимал риск, но это было бы ложью.

— Больше не поведу её под своим именем.

Ли отпустила его руку и поправила ремень с нефритовыми пластинами.

— Я запомню.

Старший страж закрыл футляр. За его спиной лучник поднял оружие, а на мост вышли ещё трое. Один нёс крюк на длинной рукояти.

— Время решения истекло. Пройти могут только двое, внесённые заранее.

— Они закроют переход, — сказал Савва.

Боро посмотрела на мост; доски висели на двух канатах. Снизу настил удерживали грузовые верёвки.

— Перережут левую тягу, и за час не восстановим.

— Идём сейчас, — решил Глеб.

— По какому праву? — спросил старший.

— По своему.

Глеб толкнул каменную подставку плечом. Книга качнулась, цепь натянулась, знак на дорожном камне вспыхнул. Стражники пошли вперёд.

Глеб выбил копьё у первого и шагнул к мосту. Ступня коснулась доски, но в следующий миг он снова оказался у камня. Удар копья повторился с той же стороны.

Он пригнулся раньше. Наконечник прошёл над плечом.

— Каждый незаписанный шаг возвращается, — крикнула Ли. — И удар вместе с ним.

Глеб бросился вперёд, врезал стражнику рукоятью меча и снова оказался у начала. Ушиб на лице противника остался. Дорога переставляла человека, а не время.

— Боро, верёвки! Савва, к книге!

— А ты? — спросил Савва.

— Буду наступать, пока место не устанет.

— Оно упрямее тебя.

— Тогда ему не повезло.

Боро побежала вдоль ущелья. Стрелы ударили в снег у её ног. Она укрылась за столбом и перерезала первую грузовую верёвку. Мост дёрнулся. Стражники на середине схватились за канаты.

Савва кинулся к подставке. Старший закрыл книгу локтем. Переводчик прижал ему пальцы футляром и развернул страницу.

— Что менять?

— Порядок имён, — ответила Ли. — Не слова.

— Для дороги порядок и есть смысл?

— Сейчас да.

— Наконец язык, который честно любит власть.

Ли бросила ему кисть. Савва переставил две отметки. Строка «внесённый проходит со свидетелем» стала читаться как «свидетель проходит с внесённым».

Камень дрогнул. Лань сделала шаг и не вернулась.

— Только для одного свидетеля, — сказала Ли. — Нужны добровольные подтверждения.

Она провела кровью по краю нефритовой пластины. Онемевшие пальцы дрогнули, линия вышла неровной.

— Я свидетель Лань, — сказала Боро и перерезала вторую верёвку.

Мост качнулся. Лучник промахнулся, стрела ушла в ущелье.

— Я свидетель её выбора, — сказал Савва, удерживая книгу.

Ли замкнула линию и прижала пластину к цепи.

— Я подтверждаю право каждого отказаться от прохода.

Печать приняла исключение. На снегу появились пять отдельных дорожек. Они вели к мосту и больше не сходились у камня.

Стража атаковала. Глеб встретил первого у перехода. Копейщик сделал выпад и отлетел к книге: собственное правило сочло его шаг незаписанным. Второй шёл по внесённой строке и остался на месте. Глеб врезался в него плечом, прижал к канату и вывернул копьё.

Мост раскачивался; внизу шумела река. Доски покрывал лёд. Лань шла рядом с Ли, придерживая маску.

— Не смотри вниз, — сказал Глеб.

— Я прожила жизнь солдата.

— Тогда знаешь.

— Солдат боялся высоты.

— Неудачный выбор для горного монастыря.

Слева свистнул крюк; он зацепил последнюю грузовую верёвку. Страж потянул, разворачивая настил боком; Савва упал на колено. Книга выскользнула и повисла на цепи над краем.

Глеб перехватил канат, но следующий шаг вернул его к середине. Печать ещё держалась на каменном якоре. Пока монастырь один решал, чьё движение законно, исключение Ли могло оборваться.

— Камень! — крикнула она. — Сними право владельца, но не ломай дорогу!

Глеб побежал назад. Каждый второй шаг возвращал его на доску позади. Тогда он стал двигаться боком, подтягиваясь на руках. Правило считало шаги ног и не замечало веса на канате.

Старший встретил его саблей. Глеб пропустил клинок мимо, врезал локтем в челюсть и схватил цепь. Железо обожгло ладонь.

Условие открылось сразу. Перевал пропускал имя, внесённое владельцем книги. Другого путника дорога считала ошибкой и возвращала к последнему признанному месту. Право записи принадлежало монастырю, потому что прежние свидетели передали его хранителям без срока.

Глеб коснулся камня окровавленной ладонью. В памяти возник зимний лес. Рядом шёл человек в заячьей шапке и показывал зарубку на нижней стороне ветки. Он учил искать метки там, где снег не закрывает кору. Глеб помнил запах дыма от его одежды и привычку стучать ножами по сапогу.

Человек повернулся. Лицо начало исчезать.

— Не дорогу, — сказал Глеб камню. — Право решать за всех.

Он принял в себя две несовместимые строки: монастырь один называл путника, а живой свидетель подтверждал имя добровольно. Узел треснул. Камень остался на месте, но знак двери раскололся.

Боль прошла от ладони к виску. Лес исчез. Глеб сохранил навык поиска зимних меток, однако больше не помнил человека, который его научил.

Мост перестал возвращать шаги. Боро перерезала последнюю верёвку. Настил развернулся, и стражников бросило к правому канату. Савва подтянул книгу за цепь. Ли провела группу на другой берег, пока Глеб удерживал начало перехода.

Старший поднялся с колен и вытер кровь с подбородка.

— Вы уничтожили защиту перевала.

— Нет. Теперь вам придётся спрашивать путников.

Глеб пошёл по мосту. Без грузовых верёвок настил бился о канаты, и каждый шаг требовал внимания. Стража не преследовала. У неё осталось достаточно людей, чтобы сообщить в монастырь.

На другом берегу Ли осмотрела ладонь Глеба. Кожа вокруг раны побелела от холода.

— Что потерял?

Он посмотрел на зарубку под веткой ближайшей сосны. Смысл метки был понятен.

— Проводника. Навык остался, человек исчез.

Ли перевязала ладонь и затянула узел зубами.

— В следующий раз сначала слушаешь меня.

— Уже слушал на мосту.

— После того как почти отдал Лань своё имя.

Глеб взглянул на женщину в маске. Она стояла рядом с Боро и больше не повторяла его движений.

— Больше не повторится.

Лань кивнула. Этого хватило.

Савва принёс дорожную книгу. При разрыве якоря одна страница выскочила из переплёта. На строке Глеба чернила исчезли, но бумага не осталась пустой. Медленно проступили четыре старых знака.

Ли прочитала их и побледнела. Онемевшая рука сжала край страницы.

— «Кровь без имени».

Лань прижала пальцы к ослабленному зажиму. Железо на её лице ответило коротким щелчком.

— Так в монастыре называют сосуд, в который можно записать чужую жизнь целиком.

Глеб посмотрел на пустую строку. Перевал пропустил его без имени, а дорожная книга уже сообщала монастырю, для чего такая кровь может пригодиться.

Глава 4. Город без пропавших

До Шуанхэ они добрались через два дня. К полудню снег стал тяжёлым, а дорога спустилась к реке и вывела их к низкой городской стене. Над воротами висела табличка с двумя вырезанными потоками.

Стражник у ворот проверил дорожную бумагу, потом долго смотрел на железную маску Лань.

— Больная? — спросил он.

— Раненая, — ответил Савва.

— Из монастыря?

— Пока от монастыря.

Стражник не понял шутки, но пропустил их. Он сделал пометку на дощечке и отправил мальчишку к старосте.

— Мы ещё не вошли, а нас уже ждут, — сказал Глеб.

— Это хорошо, — ответила Ли. — Значит, город умеет вести записи.

— После перевала твоя любовь к записям кажется опасной.

Ли не возразила. Два пальца правой руки всё ещё чувствовали холод хуже остальных. Она держала повод левой рукой, а правую прятала в рукав.

Шуанхэ стоял вдоль двух рукавов реки. Возле зернового амбара люди выстроились за монастырским пайком. Каждая семья показывала деревянную табличку с именами, после чего писарь выдавал мешок.

На табличке пожилой женщины одно имя было вырезано поверх другого. Старые борозды замазали воском, но нижний знак проступал у края.

— Исправляли после брака? — спросила Ли.

Женщина прижала табличку к груди.

— Ошибка резчика.

— Старое имя принадлежало мужчине.

— Резчик сильно ошибся.

Писарь ударил меркой о край мешка.

— Следующий.

Женщина поспешила уйти. В мешке было зерно на неделю. Этого хватало, чтобы понять цену её молчания.

Староста Шуанхэ принял путников в комнате над городской управой. Его звали Дэн Жуй. Пока Савва объяснял цель визита, староста переставлял чашки и ни разу не задел край стола.

— Вы ищете пропавших, — сказал он. — У нас таких нет.

— За двадцать лет? — спросила Ли.

— За двадцать два. До того записи пострадали от пожара.

Он открыл длинный шкаф. Внутри лежали одинаково прошитые реестры в серых обложках.

Ли выбрала год последней эпидемии; список смертей занимал четыре страницы. Ни одного человека не объявили пропавшим; рядом лежала податная книга. Число взрослых жителей почти не изменилось.

— После мора умерли тридцать семь человек, — сказала она. — Но плательщиков стало меньше только на шесть.

— В город пришли новые работники.

— Откуда?

— Из монастырских владений.

— Их прежние имена?

Староста улыбнулся, показывая, что считает вопрос невежливым.

— Они начали новую жизнь.

— Старые сведения нужны мне.

— Монастырь признал их новыми людьми.

Глеб стоял у окна. Лань сидела возле печи, прикрыв маску капюшоном. Савва перелистывал лекарскую книгу.

— Здесь ребёнок умер в один год, а через два года заплатил налог с кожевенной мастерской, — сказал он.

Дэн Жуй подвинул книгу к себе.

— Писарь перенёс строку не туда.

— Ребёнка звали Цзэ Мин. Кожевника тоже.

— Распространённое имя.

— И дата рождения одна.

Староста закрыл книгу.

— В Шуанхэ люди не исчезают. Монастырь помогает больным, поддерживает зерновой запас и присылает мастеров, когда город теряет нужного человека. Без него мы не пережили бы прошлую зиму.

— Я не спрашивала о пользе монастыря, — сказала Ли. — Мне нужен список людей, которых заменили.

Дэн Жуй впервые перестал двигать чашки.

— Такого списка нет.

В его голосе не было лжи. Официального списка действительно не существовало.

Он позвал писаря и приказал принести брачные записи. Через открытую дверь Ли увидела, как мальчишка у ворот передал записку человеку в сером полушубке. Тот сразу ушёл к северной дороге.

Монастырь уже знал о проверке.

Следующие два часа Ли сравнивала книги. После смерти ремесленника его имя без паузы переходило к новому взрослому человеку. Брак и долг сохранялись. В документах город никогда не терял кузнеца, лекаря или караульного.

Савва склонился над полями лекарского журнала.

— Здесь после каждой эпидемии один почерк меняется на другой, но подпись остаётся прежней.

— Врач тоже был заменён?

— Возможно. Или научился писать другой рукой после горячки. Однако за двадцать лет таких чудес набралось много.

Староста услышал и пожал плечами.

— У лекаря дрожали пальцы.

Савва показал страницу.

— Потом дрожь перешла к городскому сборщику. Удивительно заразная болезнь.

Глеб усмехнулся. Дэн Жуй не поддержал его.

Ли нашла на полях маленький знак: две расходящиеся черты и точку между ними. Такую отметку мастера ставили при аварийном переносе прав, если носитель умирал до завершения обряда. Она уже видела её раньше, в архиве своего рода.

Пальцы под рукавом свело. Глеб заметил это, но ничего не спросил. Он лишь положил перед Саввой следующую книгу.

К вечеру староста разрешил им осмотреть городские дома, но приставил писаря. Ли отказалась брать официальный список жильцов. Он был бесполезен.

Первой они посетили вдову ткача. По реестру женщина жила одна с двумя детьми. На столе стояли четыре миски. Одна была больше остальных, с трещиной у края.

— Для гостя, — сказала вдова.

— Часто приходит? — спросил Савва.

— Иногда.

Глеб открыл наружную дверь. На крюке висел мужской полушубок. Рукава были длиннее, чем у умершего ткача на семейном рисунке.

— Тоже для гостя? — спросил он.

Женщина побледнела.

— Зимой нельзя выгонять человека без одежды.

Ли подошла к семейной табличке. Имя мужа вырезали заново. Нижняя часть первого знака не совпадала с новой резьбой.

— Мы не будем спрашивать, кто спит в доме, — сказала она. — Покажите только старую одежду мужа.

— Зачем?

— Чтобы понять, один человек носил их или два.

Вдова прижала ладонь к груди.

— Если я скажу, мне перестанут давать зерно.

— Мы не запишем ваше имя.

— Монастырь всё равно узнает.

Писарь у двери отвёл взгляд. Он знал правила лучше неё.

Ли убрала руку от таблички.

— Тогда ничего не говорите.

На улице Глеб спросил:

— Почему ушла?

— Мужской полушубок и заново вырезанное имя уже выдали подмену. Женщина защищает детей.

— А мы защищаем список?

— Пока у нас его нет.

Во втором доме мальчик носил сапоги, которые были велики на два размера. Мать сказала, что купила их на вырост. На голенище сохранилась метка прежнего владельца. По долговой книге он умер три года назад.

В третьем доме девочка рисовала семью. Рядом с матерью стояли два мужчины с одинаковыми руками.

— Это отец? — спросила Ли.

Девочка указала на обоих.

Мать забрала рисунок и бросила в печь.

— Дети придумывают, — сказала она.

— Взрослые тоже, — заметил Савва. — Просто пишут аккуратнее.

Писарь кашлянул и предложил вернуться в управу. Ли отказалась.

На рынке Лань остановилась у прилавка с кожаными ремнями. За ним стояла женщина лет сорока. Увидев железную маску, она выронила нож.

— Сестра, — сказала она.

Лань шагнула к ней.

Женщина обошла прилавок.

— Тебя похоронили девять лет назад.

Лань подняла руку и опустила.

— Как меня звали?

Женщина отшатнулась.

— Уходи.

— Скажи имя.

— Моя сестра умерла. Ты носишь её голос.

Лань заговорила иначе. Слова пошли быстро, привычно, и она спросила о старом доме возле южной канавы. Женщина закрыла ей рот ладонью прямо поверх маски.

— Не надо. У меня дети. Монастырь помог нам после мора.

— Я помню тебя.

— Это не твоя память.

Лань застыла. Женщина вернулась за прилавок и стала собирать ремни.

Глеб приблизился к Лань, но не тронул её.

— Идём.

— Она узнала меня.

— Она узнала часть умершей сестры.

— Разница есть?

— Для неё — есть.

Лань пошла рядом с Боро. Железные зажимы у виска тихо стучали при каждом шаге.

Ли заметила мужчину в сером полушубке. Он стоял возле рыбной лавки и долго щупал одну замёрзшую тушку.

— За нами следят, — сказала она Глебу.

— С ворот.

— Ты видел?

— Он плохо выбирает рыбу.

Они свернули в переулок. Мужчина пошёл следом. Глеб исчез за углом, а через минуту вернулся, держа наблюдателя за ворот.

— Отпусти, — прохрипел тот. — Я городской житель.

— Тогда зачем прячешь лицо?

— Ветер.

— Ветер с другой стороны.

В кармане сапожника лежала бирка с монастырским знаком. Савва прочитал строку.

— Обязан сообщать о непризнанных лицах и тех, кто задаёт вопросы о прежних именах.

— Добровольно? — спросила Ли.

Сапожник посмотрел на очередь у зернового амбара.

— У меня мать лежит второй месяц. Лекарство даёт монастырь.

— Сколько сообщений ты отправил?

— Сегодня одно.

— Про нас?

— Про женщину в маске.

Глеб разжал руку.

— Иди.

Сапожник не поверил.

— Вы не заберёте бирку?

— Тогда тебе выдадут другую, — сказала Ли. — А лекарство могут не дать.

Он спрятал дощечку и ушёл.

— Удобный порядок, — сказал Глеб. — Каждый охраняет собственную миску.

— Потому что пустая миска убеждает лучше угрозы, — ответила Ли.

Они вернулись в съёмный дом у восточных ворот. Савва принёс копию списка могил. Он получил её у старого лекаря за помощь больному ребёнку. В списке было на двадцать шесть взрослых больше, чем в городском реестре смертей.

Ли разложила на полу долговые книги, которые Боро взяла у знакомого торговца. Затем попросила детские рисунки из трёх домов. Матери отдали их только после обещания не записывать фамилии.

На одном листе Ли заметила одинаковую отметку возле двух домов. В первом жил городской лекарь, во втором — хранитель зимнего зерна. Оба получили новые подписи в неделю после мора. Случайностью это уже не выглядело.

Одна и та же рука исправила даты, но ни разу не тронула сумму городского долга.

— Официально у нас ничего нет, — сказал Савва.

— Значит, ищем то, что не умеют исправлять писари.

Ли сравнила мерки одежды в долговой книге. Кожевник после болезни стал выше на ладонь. Караульный сменил левую рукавицу на правую, хотя старая рана не могла перейти на другую руку.

Боро положила рядом детский рисунок.

— Этот мужчина появился после того, как старого отца отнесли на кладбище.

— Имя то же, — сказал Савва.

— Человек другой, — ответила Ли.

Она записывала только занятие и год подмены, чтобы бумага не выдала семьи. Скрытый список рос медленно. К ночи в нём оказалось семнадцать человек. Все занимались делом, без которого город не мог обойтись зимой.

— Кузнец, врач, кожевник, караульный, сборщик податей, — прочитал Савва и остановился. — Монастырь заменяет не случайных людей.

— Он сохраняет службу, — сказала Ли. — Семья получает кормильца, город — работника. За это все признают нового человека прежним именем.

Глеб сидел у двери и точил нож.

— А если семья не признаёт?

Савва показал на запись о зерне.

— Тогда дом лишается пайка.

Ли прочитала лист. Его нельзя было предъявить старосте. Одной проверки хватило бы, чтобы вычислить семьи.

— Список останется у нас, — сказала она. — Пока не найдём способ доказать подмены без их показаний.

Во дворе залаяла собака. Затем раздался детский крик:

— Отец пришёл!

Глеб поднялся первым. Они вышли на улицу.

У соседнего дома женщина стояла в дверях, не выпуская из рук деревянную миску. К калитке шёл мужчина в кожаном фартуке. На плече он нёс свёрнутый ремень и улыбался.

Двое детей выбежали навстречу и обняли его.

— Папа! Папа вернулся!

Женщина побелела и отступила в дом. Над дверью висела поминальная дощечка. На ней было вырезано имя этого мужчины и дата смерти шестилетней давности.

Ли закрыла скрытый список. Теперь им предстояло проверить человека, которого город уже признал живым.

Глава 5. Вернувшийся отец

Дети подбежали к мужчине прежде, чем мать успела их остановить. Старший вцепился ему в пояс, младший повис на руке. Кожевник наклонился и обнял обоих осторожно, словно повторял движение по памяти.

Женщина осталась в дверях, и миска в её руках дрожала. На поминальной дощечке над косяком стояло то же имя, которым дети звали вернувшегося.

— Папа принёс ремень! — крикнул младший.

Мужчина снял с плеча свёрток.

— Для новых вожжей. Старые скоро лопнут у пряжки.

— Они лопнули прошлой весной, — сказала женщина.

Он посмотрел на ремень.

— Значит, я хорошо помню.

Глеб услышал ложь. Мужчина знал, что ответить, но сам не верил словам.

— Поговорим в доме.

Женщина прижала миску к груди.

— Он мой муж.

— Тогда разговор будет коротким.

Мужчина пропустил их внутрь. Дети потащили отца к столу и поставили перед ним большую миску с трещиной у края. Глеб видел её днём. Семья ждала возвращения и одновременно боялась его.

Кожевник сел на место хозяина.

— Вы хотите проверить меня.

— Да.

— Спрашивайте.

— Не буду. Факты тебе дали. Посмотрим, что осталось без записи.

Глеб указал на нож у очага.

— Нарезь хлеб.

Жена открыла рот, но промолчала. Мужчина взял нож правой рукой и стал резать сверху вниз, пока лезвие не ушло в доску.

Младший сын засмеялся.

— Папа опять стол убивает.

Кожевник остановился.

— Я всегда так резал.

— Нет, — сказала женщина. — После ожога ты держал нож иначе.

Он переложил нож в левую руку. Движение стало увереннее, но отрезанный кусок вышел толще, чем нужно.

— Рука отвыкла.

Глеб взял кожаный ремешок.

— Завяжи петлю для санок.

Мужчина сделал верный узел, но оставил короткий конец. Старший сын потянул петлю, и она развязалась.

— Отец оставлял длиннее, чтобы я сам распускал.

Кожевник посмотрел на пальцы.

— В монастыре учили экономить кожу.

Жена резко поставила миску на стол.

— Ты сказал, что вернулся из дальней мастерской.

— Там был монастырский мастер.

— Ты говорил, что шёл один.

— Я устал. Мог перепутать.

В последних словах Глеб не услышал лжи. Мужчина действительно путался. В нём были сведения, но между ними оставались пустые места.

Во дворе стояла колода для выделки шкур. Рядом лежал тяжёлый скребок. Мужчина взял его за середину, хотя рукоять была стёрта у края.

— Эта вещь принадлежала тебе? — спросил Глеб.

— Да.

— Тогда рука должна помнить, где держать.

Кожевник переставил ладонь и уронил скребок; за воротами мелькнула серая одежда — наблюдатели уже следили за домом.

Из двери вышел младший сын. Он держал деревянного лисёнка без хвоста.

— Папа, помнишь нашу игру? Где живёт лиса, когда дождь смыл нору?

Мужчина улыбнулся с опозданием.

— Строит новую.

Мальчик перестал улыбаться.

— Ты говорил, что она живёт под моей кроватью и ест мамины лепёшки.

— Я мог шутить по-разному.

— Ты всегда говорил одно.

Женщина увела сына в дом, оставив игрушку в снегу.

— Этой игры не было в семейной записи, — сказал мужчина.

— Значит, ты её читал.

— Все мужья знают жизнь семьи.

— Люди не читают собственных детей по книге.

Мужчина поднял глаза.

— А если другой жизни у них не осталось?

Ли попросила его повернуть голову и увидела под воротом красную полосу.

— Расстегни одежду. Там шов.

Он повернулся к Глебу.

— Она не отрежет голову?

— Сначала спросит. Теперь спрашивает.

Ли бросила на него взгляд, но промолчала.

От уха к ключице шёл старый шов, загнутый на конце лисьим хвостом. Под кожей блестела железная нить; Ли поднесла нефритовую пластину. На камне проступил знак городского дома.

— Твоё тело связано с семейной табличкой, — сказала она. — Пока жена признаёт тебя мужем, дом считает тебя прежним владельцем.

— Я и есть владелец.

— Ты носитель его имени.

Железная нить натянулась, и кожевник поморщился.

— Кто ты? — спросил Глеб.

— Цзэ Мин.

— Имя до монастыря.

Мужчина молчал.

— Он не может назвать прежнее имя рядом с табличкой, — сказала Ли. — Дом запрещает спорить с записью.

Они вышли за калитку. Лань осталась с Боро у стены. Маска тихо отозвалась на железо в шее кожевника.

Из темноты появились двое в серых плащах. Один нёс свиток, второй — фонарь с девятью прорезями.

— До полуночи семья должна завершить признание, — перевёл Савва. — Иначе дом объявят бесхозным. Пайок остановят утром.

— А дети? — спросил Глеб.

— Перейдут под защиту монастыря.

— Вместе с домом?

Наблюдатель не ответил.

— Что требуется? — спросила Ли.

— Жена называет вернувшегося мужем перед табличкой. Дети подтверждают, что отец занял прежнее место. После этого непрерывность службы восстановлена.

— Службы, — повторил Глеб. — Не семьи.

— Семья защищена, пока служба продолжается.

Глеб услышал правду лишь о части условия. Печать не давала причинить вред дому, пока семья выполняла условие. При отказе всё менялось.

— Уходите.

Наблюдатель поднял свиток.

— До полуночи.

— Я понял.

— Монастырь не признает ваше вмешательство.

— Взаимность полезна.

Они отошли к соседней улице, но фонарь остался виден между домами.

В пустом сарае кожевник сел на бочку. Глеб закрыл дверь.

— Теперь скажи имя.

Мужчина коснулся шва.

— Жэнь Дао.

Железная нить не сжалась.

— Монах?

— Послушник лечебного двора.

— Добровольно?

— В монастырь пришёл сам. В это тело — тоже.

— Зачем?

Жэнь Дао посмотрел на ладони.

— После мора умер кожевник. Город остался без ремней. Его жена получала половину пайка, дети болели.

— И тебе дали его память.

— Сначала ремесло. Дом меня не принял, тогда добавили лицо и семейные сведения.

— Чувства добавить не смогли?

— Я хотел, чтобы смогли.

— Ты знал, что настоящий человек жив?

— Его тело умерло не полностью. Так сказали лекари.

— Удобно.

— Я видел его после обряда. Он дышал, но не узнавал рук. Страх забрали, чтобы не бился. Голос вынесли в другую камеру. Лицо сняли последним.

— Ты занял его место.

— Да.

Жэнь Дао провёл пальцем по старому рубцу на ладони.

— Первые три ночи я спал у ворот. Жена не открывала. Потом монастырский писарь принёс новый реестр и половинный мешок зерна. Сказал, что полный пайок вернут после признания. На четвёртую ночь дети уже не могли уснуть от голода.

— И она впустила тебя.

— Да. Я чинил обувь, носил воду, учил старшего резать кожу. Он смотрел на меня и ждал, когда я скажу то, что говорил отец. Я отвечал по семейной книге. Чем старательнее следовал ей, тем яснее видел, что не знаю главного.

— Почему не ушёл?

— На второй неделе попробовал. Шов стянул горло, а у дома погас знак пайка. Я вернулся раньше, чем дети проснулись.

— Тебя заставляли?

— Сначала нет. Я думал, что спасаю семью. Потом понял: выйти нельзя. Если откажусь, их лишат дома. Если жена перестанет признавать меня, печать вернёт порядок.

— Как?

— Не знаю.

Глеб услышал ложь.

— Как?

Жэнь Дао сжал руки.

— Тело устранил того, кто отказывается подтвердить имя.

Ли вошла через боковой проём, открытый Боро.

— Полночь через четверть часа. Наблюдатели выставили городской гвоздь у калитки. Связь с табличкой усиливается.

— Можешь разорвать?

— Тогда дом сразу станет бесхозным. Нужно разделить человека и имущество, не уничтожив запись.

Жэнь Дао посмотрел на неё.

— Вы оставите мне ремесло?

— Возможно. Но я не обещаю.

— Без него я никому не нужен.

— Это монастырь так решил, — сказал Глеб.

— Семья тоже.

— Семья решила не голодать.

Ли достала нефритовую пластину.

— Я могу временно отвязать шов. Тогда ты перестанешь считаться мужем и владельцем.

Печать может забрать память, связанную с семьёй.

Жэнь Дао закрыл глаза.

— Там и так одни сведения.

— Решение твоё.

Из дома донёсся плач младшего сына.

— Сначала жена должна отказаться, — сказал Глеб. — Иначе мы опять решим за неё.

Когда они вернулись, наблюдатели стояли у ворот. Городской гвоздь был вбит в столб, и от него к табличке тянулась чёрная линия.

Жена кожевника ждала у стола, дети сидели возле печи, а младший прижимал к себе лисёнка.

Наблюдатель развернул свиток.

— Назови вернувшегося мужа по имени.

Женщина посмотрела на Жэнь Дао.

— Он не мой муж.

Линия натянулась. Жэнь Дао согнулся и схватился за шею.

— Заверши формулу, иначе дом передадут монастырю.

— Мой муж умер шесть лет назад.

— Тело вернулось к службе.

— Этот человек знает наши имена, но не знает нас.

Шов на шее Жэнь Дао раскрылся. Железная нить двинулась под кожей. Он схватил нож и шагнул к женщине.

Глеб перехватил запястье, развернул мужчину и прижал к столу. Жэнь Дао бился молча. Сила у него была тяжёлая, привычная к работе с кожей.

— Это не я, — выдохнул он.

— Знаю.

Он попытался достать женщину другой рукой. Глеб прижал и её.

Ли бросила шёлковую нить на табличку. Чёрная линия от гвоздя пошла к её пальцам.

— Уберите детей от стены!

Боро оттащила их в дальний угол. Савва перевернул лавку и закрыл проход.

Ли провела кровью по краю таблички.

— Дом сохраняет владельца до признания семьи. Семья отказала. Значит, право дома не может управлять человеком.

Наблюдатель ударил по городскому гвоздю.

— Запись утверждена монастырём!

— Монастырь не живёт в этом доме.

Нефритовая пластина треснула у края. Ли вздрогнула, но удержала условие.

— Глеб, шов!

Он прижал ладонь к железной нити. Печать потребовала вернуть порядок: заставить жену признать мужа либо удалить её из дома. Глеб принял только связь между телом и табличкой.

В памяти мелькнул чужой двор. Женщина ставила миску на стол, дети ссорились из-за игрушки. Картина рассыпалась вместе с железной нитью. Жэнь Дао обмяк.

Ли выдернула шёлк, табличка раскололась по новой резьбе, но старое имя осталось на нижнем слое.

Наблюдатель посмотрел на сломанный знак.

— С рассвета пайок прекращён. Дом будет изъят через три дня.

— Дом не пуст, — сказал Глеб.

— Реестр считает иначе.

— Пусть приходит и выносит детей.

— Вы принимаете их содержание на себя?

Глеб повернулся к Ли. Их запасов хватало до монастыря и обратно только при строгом расходе.

— Принимаем, — сказала она.

Боро вздохнула.

— Моему коню это не понравится.

— Он давно ест лучше нас, — ответил Савва.

После ухода наблюдателей Глеб вытащил городской гвоздь и бросил в печь; железо почернело, но не расплавилось.

Савва осмотрел шею Жэнь Дао. Мужчина открыл глаза.

— Я всё ещё умею работать с кожей.

— Проверим позже, — сказал Глеб.

Жена подала Савве чистую ткань.

— Он останется?

— Пока решит сам, — ответила Ли. — Уже не как ваш муж.

Жэнь Дао повернулся к женщине.

— Я не хотел причинить тебе вред.

— Знаю.

— Я хотел, чтобы дети были сыты.

— Знаю и это.

Глеб вынес из их мешка крупу. Боро принесла овёс, который можно было обменять на муку. Савва пересчитал сушёное мясо.

— До монастыря будем есть скромно.

— Ты и раньше готовил так, словно нас наказали, — сказал Глеб.

— Значит, перемен не заметите.

Жэнь Дао приподнялся.

— Настоящий Цзэ Мин не умер в могиле.

Ли села рядом.

— Где он?

— Его разделили. Сначала у него забрали страх, затем вынесли голос в третью камеру, а лицо заперли в четвёртой.

— А тело?

— Под монастырём, в лечебном дворе. Если ещё живо.

— Можно собрать его обратно? — спросила жена.

Жэнь Дао отвёл взгляд.

— Не знаю. Монахи говорили, что после разделения человек остаётся полезным дольше.

Глеб поднял расколотую табличку. На внутренней стороне сохранились девять коротких зарубок — по одной на каждую камеру, где монастырь хранил части Жэнь Дао под чужими именами.

Глава 6. Девять гвоздей

Одного городского архива не хватало: теперь им требовалось понять, что девять камер сохраняли под чужими именами. Утром возле склада стояла очередь. Люди держали у груди семейные таблички и ждали зерно. Хранитель мерил просо деревянным ковшом и ставил на дощечке зарубку. Семья кожевника в очередь не пришла. После ночного отказа её имя исчезло из списка получателей. Их место заняла другая табличка. Получалось, что этого дома здесь никогда не было.

Ли Шэньюэ остановилась у входа в святилище, примыкавшее к складу. Здание было ниже управы и крепче соседних домов. Каменная стена без окон уходила к реке.

— Публичный договор здесь? — спросил Савва.

Староста Дэн Жуй кивнул.

— Здесь подтверждают городские службы. Без него склад не откроют, воду не распределят, караул не примет смену.

— А без признания семьи дом перестает быть домом, — сказал Глеб.

Староста посмотрел на него.

— Вчера вы нарушили установленный порядок.

— Порядок пережил ночь.

— Семья осталась без зерна.

— Мы заметили.

Боро принесла пустой мешок. Утром она отдала вдове часть крупы.

— Наш запас стал легче, — сказала она. — Значит, говорить будем быстрее.

Дэн Жуй открыл святилище своим ключом. За дверью пахло воском и железом. На дальней стене был высечен рельеф девятихвостой лисы. Тело зверя почти стёрлось от прикосновений, но хвосты сохранились. Каждый заканчивался железным гвоздём величиной с ладонь.

От гвоздей расходились линии к городским знакам. Ли увидела амбарный ковш, колодезный ворот и караульный барабан. Остальное скрывала копоть.

Лань остановилась у порога, и железная маска щёлкнула.

— Они отвечают ей, — сказал Савва.

— Не ей, — возразила Ли. — Маске.

Лань повернула голову.

— Большая разница?

— Для гвоздей — да.

Ли достала нефритовую пластину, но стены пока не касалась: сначала осмотрела крепления. Восемь гвоздей потемнели от времени, а девятый блестел возле основания, где камень был свежее.

— Этот меняли, — сказала она.

Хранитель склада шагнул ближе.

— Всё ремонтируют.

— Камень меняли только вокруг одного хвоста.

— Он расшатался зимой.

Боро присела и подняла из щели светлую стружку.

— Железо не оставляет древесную стружку.

Хранитель выхватил кусок из её пальцев и бросил в жаровню у двери. Боро не возразила. Она схватила жаровню за ручку и опрокинула на каменный пол. Угли рассыпались, стружка осталась целой.

— Теперь можешь сжечь весь город, — сказала она. — Здесь не получится.

Хранитель бросился к двери. Глеб поймал его за ворот и вернул к стене.

— Отпустите хранителя, — потребовал Дэн Жуй.

— Когда узнаем, что он хотел сжечь, — ответила Ли.

Она подняла стружку двумя пальцами. Это был не обломок ящика: на одной стороне сохранился след красного лака, которым покрывали футляры для договоров.

— Новый гвоздь привезли недавно, — сказала Ли. — Футляр вскрывали здесь. Старый якорь заменили без общего собрания.

Староста отвёл взгляд.

— Собрание было зимой.

— Сколько людей присутствовало?

— Город молчал.

— Молчание не подтверждает решение.

Хранитель дёрнулся в руках Глеба.

— Они остановили бунт. Люди хотели открыть склад и вынести зерно. Караул отказался стрелять. Монахи поставили новый гвоздь, и площадь разошлась без крови.

— Почему разошлась? — спросил Савва.

— Каждый вспомнил своё место.

— Удобная память, — сказал Глеб.

— Зерна оставалось на двенадцать дней. Если бы склад разграбили, дети умерли бы раньше оттепели.

Он говорил правду. Новый гвоздь остановил драку, но полезный исход не объяснял, что пришлось отдать.

Ли подошла к первому хвосту, на железе которого был вырезан ковш.

— Это зерно.

Савва проследил линию к амбару.

— Второй связан с водой. Третий, вероятно, с караулом.

Он снял копоть с соседнего знака. Под пальцами появился лекарский нож.

— Лечение.

Ли двинулась вдоль стены. Один хвост заканчивался весами, другой — колесом. Над седьмым был погребальный колокол, восьмой уходил к резному рту.

— Голос собрания, — сказал Савва. — Девятый должен вести к реестру имён.

— Должен, — повторила Ли.

Она посмотрела на новый гвоздь. Он стоял под знаком рта, но его линия пересекала путь к последнему хвосту. Поправка соединяла голос города с именным реестром.

— Раньше собрание подтверждало запись, — сказала она. — Теперь запись может говорить вместо собрания.

Дэн Жуй нахмурился.

— Объясните проще.

— Если город молчит, гвоздь решает, что город согласен.

— На что?

Ли пока не отвечала. Правую кисть свело, и она попросила Савву принести складские записи.

Хранитель перестал вырывать.

— Книги нельзя выносить.

— Тогда принесите стол, — сказал Савва. — Мы люди мирные. Любим ломать порядок сидя.

Глеб отпустил хранителя. Тот проверил дверь, затем на Боро, стоявшую у рассыпанных углей, и передумал бежать.

На стол легли три книги. Савва открыл записи выдачи зерна за прошлую зиму. В дни бунта пайки сократились, но подписи не исчезли.

— Семьдесят семей получили половину нормы, — сказал он. — На следующий день все отметки подтверждены одним знаком.

— Городским голосом, — ответил староста.

— Одной рукой?

— Писарь действовал от имени собрания.

Ли сверила знак с новым гвоздём. Совпадение было полным.

— После этого менялись люди на службах?

Староста замолчал. Хранитель ответил за него:

— Караульный начальник заболел. Его заменили. Потом сменили смотрителя воды.

— Оба выступали против сокращения пайка? — спросил Глеб.

— Они не справлялись.

— Это не ответ.

— Да.

Лань стояла возле девятого хвоста; маска больше не щёлкала, но железо слабо дрожало.

— Здесь есть место для меня, — сказала она.

Ли подошла. Борозда у нового гвоздя передавала имя из реестра к городскому голосу и возвращала запись уже признанной обществом.

— Не только для тебя, — сказала Ли. — Для любого человека, несущего городскую службу.

Савва понял первым.

— Если кузнец, лекарь или караульный исчезнет, город не должен соглашаться на замену.

Но поправка делает молчание согласием.

— И новый носитель сразу получает имя, дом и должность, — добавила Ли.

Дэн Жуй покачал головой.

— Это защищает город. Болезнь не ждёт общего собрания.

— Тогда установите срок и право отказа.

— Люди откажутся из страха.

— Значит, вы считаете их страх основанием отнять выбор.

Хранитель склада посмотрел на очередь за стеной.

— А вы дадите им зерно, если служба остановится?

Ли не ответила сразу. Вчера они взяли на себя одну семью, и запас уменьшился. Если уничтожить гвоздь зерна, склад не откроется. Магия не создавала припасы. Она решала, кто ими распоряжается.

— Гвозди остаются на месте.

Глеб посмотрел на неё.

— Даже новый?

— Пока да. Если выдернуть его сейчас, мы остановим городской голос, но не вернём людям право решать. Монастырь поставит другой.

— Значит, копируем поправку и идём к источнику.

— Именно.

Савва подвинул ей чистый лист.

— Я запишу формулировку.

— Сначала нужно прочитать внутреннюю строку.

Ли надела кожаную накладку. Два онемевших пальца плохо держали кисть, и она зажала её между большим и средним.

Глеб заметил.

— Рука?

— Работает.

— Это не ответ.

— Другого сейчас нет.

Он промолчал, но остался рядом. Его молчание давило сильнее вопроса.

Ли коснулась нефритом нового гвоздя. Металл ответил сразу. Красная точка проступила у шляпки, затем по хвосту пошли письменные знаки.

Она увидела основное условие: назначенный хранитель мог заменить носителя городской службы, если молчание продолжалось три удара колокола. Свидетелем считался реестр. Цену принимал новый носитель, прежний человек переходил в монастырский учёт.

Под строкой скрывался второй слой. Ли добавила каплю крови, чтобы открыть его.

Гвоздь нагрелся.

Перед глазами возникли закрытые ворота родового дома. По камню бежал тот же знак. Его ставили при аварийном открытии, когда внутренние хранители не могли открыть врата сами.

Ли знала, кто поставил его в последнюю ночь и что произошло по другую сторону.

Кисть дрогнула, и чернила легли на бумагу криво.

— Это знак твоего клана, — сказал Савва.

Ли продолжила чтение.

— Основа похожа на клановую.

— Я не спросил, похожа ли.

— Сейчас важно условие.

Савва посмотрел на неё, но при старосте возражать не стал. Глеб тоже молчал. Он ждал, когда она решит сказать правду сама.

Лань подошла ближе.

— Маска произнесла такую же формулу на станции.

— Формулы могли копировать.

— Ты сказала, внутренний разрыв нельзя скопировать с готовой печати.

Ли почувствовала, как дрожь перешла к запястью.

— Значит, монастырь получил доступ к исходному образцу.

— После гибели твоего рода? — спросил Глеб.

— Вероятно.

Слово смягчало происходящее, но Глеб не стал давить.

Ли снова коснулась гвоздя. Нужно было зафиксировать полный текст. Под кровью открылось скрытое право: если девять городских служб признавались нестабильными, монастырь мог заменить всех носителей в одну ночь. Согласие жителей подтверждалось отсутствием открытого возражения.

— Здесь не один человек, — сказала она. — Поправка разрешает массовую подмену.

Староста подошёл к стене.

— Всех?

— Всех, кто отвечает за городские службы. Врачей, хранителей, караул, суд. Голос собрания тоже заменят.

— Это невозможно.

— Металл считает иначе.

Хранитель склада побледнел.

— Монахи говорили только о беспорядке.

— Условие действительно называло неповиновение беспорядком, но право определить беспорядок оставалось у хранителей.

Савва переписал строку и оставил место для знака.

— Этого хватит, чтобы потребовать доступ к архиву?

— Если монастырь признает меня наследственной стороной.

— А если не признает?

— Тогда придётся доказать право внутри.

Глеб посмотрел на её кровь у шляпки гвоздя.

— Он уже признал.

Красная точка втянулась в металл; девять хвостов на стене дрогнули одновременно. Из глубины камня раздался удар колокола.

Ли отняла руку, но гвоздь удержал каплю. На его поверхности проступил знак клана Ли. Ни копия, ни подражание. Печать приняла её как наследницу стороны, способной подтвердить поправку.

— Я ничего не подтверждала, — сказала она.

— Ты открыла чтение кровью, — ответил Савва. — Для старого договора этого оказалось достаточно.

Второй удар прошёл по стене. У склада замолчала очередь, хотя настоящего колокола рядом не было.

На хвостах появились девять коротких засечек. Первая погасла.

— Что началось? — спросил Дэн Жуй.

Ли прочитала строку у основания нового гвоздя.

— Срок оспаривания.

— Сколько?

— Девять ночей.

Лань прижала руку к маске.

— А потом?

— Монастырь сможет провести обряд замены для всего города.

Глеб забрал копию поправки со стола.

— Значит, идём сегодня.

— Сначала нужно вывести людей из этого здания, — сказала Ли. — Гвоздь передаст в монастырь имена всех, кто присутствовал при чтении.

Староста выругался и открыл дверь. Хранитель выбежал первым. Боро собрала книги, Савва погасил рассыпанные угли. Глеб задержался возле Ли.

— Ты узнала знак раньше.

— Да.

— Расскажешь?

Она посмотрела на дрожащую руку.

— Когда пойму, почему он здесь.

— Это ответ мастера.

— Другого пока не будет.

Глеб кивнул: он не поверил, но принял границу, отчего скрывать стало тяжелее.

Они вышли к складу. Староста велел продолжить выдачу зерна, чтобы не вызвать панику.

На стене святилища погасла первая засечка. Осталось восемь.

Ли спрятала копию поправки под одежду. Новый гвоздь уже признал её кровь, запустил срок и отправил знак в монастырь. До обряда оставалось девять ночей, но первая из них началась в тот миг, когда она решила прочитать чужое право своим именем.

Глава 7. Очищение на постоялом дворе

Постоялый двор у восточных ворот закрылся раньше обычного. Хозяин опустил ставни, задвинул внутренний засов и велел жильцам не выходить во двор до утра.

Глеб проверил засов. Пальцы сами нашли щель, где могли спрятать проволоку. Он знал, что искать, но не помнил, кто этому научил.

— Держится? — спросил Савва.

— Пока никто не решил войти через крышу.

Над ними скрипнула черепица.

Боро подняла голову.

— Решили.

Первый железный лист ударил по наружной двери. На нём красным лаком было выведено имя хозяина. Второй прибили к кухонному выходу. Затем по крыше прошли быстрые шаги, и дым из очага перестал уходить в трубу.

Ли Шэньюэ выбежала из комнаты с нефритовой пластиной в руке.

— Огонь не трогать. Воду в очаги не лить.

Хозяин уже поднял ведро.

— Они перекрыли трубу. Мы задохнёмся.

— Печать связала очаг с вашим именем. Если разбить кладку или погасить огонь, дыхание заберёт у записанного человека.

Хозяин поставил ведро.

— У меня жена и трое детей.

— Тогда уведи их от печи и дыши медленнее.

На втором этаже закричала женщина; Глеб поднялся по лестнице. Дым уже висел в коридоре. На дверях появились железные полосы с именами жильцов, а красные знаки уходили в стены.

Постоялец распахнул окно. Полоса звякнула, и мужчина упал, хватая воздух. Глеб захлопнул створку и поднял его.

— Мне нужен воздух.

— Внизу есть подвал.

— Там крысы.

— Сегодня они безопаснее монахов.

Он велел жильцам брать одеяла и спускаться. Глеб отобрал у купца сундук, загородивший лестницу.

— Там серебро.

— Значит, крысы будут рады.

— Я не оставлю его.

— Тогда оставайся рядом с сундуком и объясни детям, почему загородил проход.

Купец выругался, но отпустил ручки.

На крыше зазвенел колокольчик. Первый удар стянул железные полосы на дверях. После второго огонь в кухне вспыхнул выше, а постоялец у окна снова начал задыхаться.

Глеб спустился.

— Сколько их?

Боро смотрела в щель между ставнями.

— На крыше четверо. Во дворе ещё шестеро. У ворот стоит командир.

— Лестницу на чердак убери.

— Тогда сама не выйду на крышу.

— Ты и так найдёшь путь.

— Хорошо, что ты начал понимать полезных людей.

Она сняла со стены жердь, поддела чердачную лестницу и уронила её поперёк коридора. Затем полезла вверх по опорному столбу.

Лань стояла возле кухни. Ослабленный зажим маски дрожал от каждого удара колокольчика.

— Они пришли за мной, — сказала она.

— За свидетельствами тоже, — ответил Глеб. — Так что не льсти себе.

— Успокоил.

— Все в подвал. Ты с Ли.

Лань покачала головой.

— Я умею драться.

— Ты умеешь пользоваться чужой записью. Это другое.

— Сейчас пригодится и чужая.

В наружную дверь ударили. Засов выдержал, но красная полоса стала шире. По ней пропустили слова: выход разрешён очищенному лицу.

Ли провела нефритом возле порога.

— Двор признан заражённым. Они могут войти, не нарушая защиты дома. Для печати жильцы уже считаются удерживаемыми ради очищения.

— Можно снять полосы?

— Тогда очаги погаснут вместе с дыханием людей.

— Значит, сначала отделяем людей.

Глеб открыл люк в подвал. Хозяин спустил детей, затем жену. Савва пересчитывал жильцов и записывал имена углём на внутренней стороне крышки.

— Зачем?

— Чтобы знать, кого дверь ещё держит наверху.

— И сколько?

— Двадцать один. Если купец с серебром считается за двоих, двадцать два.

Купец молча спустился следом.

Последняя старуха отказалась идти без кота. Глеб вытащил животное из-под лавки, получил царапину и схватил его за шкирку.

— Вот твоя ценность.

— Его зовут Господин Лапа.

— Конечно.

Старуха прижала кота к груди.

— Он не любит подвалы.

— Я тоже. Сегодня у нас общее собрание.

Когда люк закрылся, с крыши упал первый очищающий. Он пробил ставню крюком и вошёл через окно. На лице у него была белая повязка, на рукаве — знак девяти затворов.

Глеб встретил его лавкой. Мужчина отлетел к стене, но следом уже лез второй.

Ли схватила Глеба за плечо.

— Не бей возле очага. Каждая трещина в кладке отнимает дыхание у хозяина.

— Тогда пусть идут в коридор.

Глеб толкнул бочку. Она сбила второго очищающего. Первый рубанул мечом, но клинок застрял в ставне. Глеб врезал ему лбом и потащил к проходу между кладовой и конюшней.

Под низким потолком копьё мешало противнику. Глеб выставил снятую ставню. Наконечник вошёл в доску, и монах потерял равновесие от рывка.

Из конюшни вошли ещё двое.

Савва бросил под ноги мешок муки. Ткань лопнула, белая пыль закрыла проход.

— Дышать можно? — спросил он.

— Пока да, — ответил Глеб.

— Тогда это лучший мой лечебный порошок.

Очищающий шагнул из облака; Глеб сбил его обручем от бочки. Справа уже действовала Лань.

Она ушла назад, вывернула противнику локоть и врезала под рёбра. Так двигался солдат, записанный в маске.

— Лань, вернись, — сказал Глеб.

— Ещё... могу.

Последнее слово прозвучало с трудом.

Третий очищающий бросил нож. Лань уклонилась и нашла у него на поясе скрытую бирку. Теперь действовала память сборщицы податей.

Она прочитала знак и показала Савве.

— Дверь... люди... список.

Собственная речь уже ломалась.

Глеб перехватил следующего монаха и отбросил к конюшенной перегородке.

— Хватит. В подвал.

Лань попыталась ответить, но из маски вышел только хрип. Она указала на лестницу, где двое очищающих спускались с крыши.

— Я вижу.

Лань снова сменила стойку; теперь ею двигала монастырская наставница. Первый монах получил удар под подбородок.

Глеб встал между ними.

— Остановись.

Она толкнула его.

— Твоё имя Лань. Скажи его.

Железо сжало челюсть. Женщина открыла рот, но звук не появился.

— Тогда кивни, если хочешь продолжать.

Лань не кивнула. Несколько ударов сердца она стояла неподвижно, затем опустила руки.

Глеб отвёл её к люку. Она сама взялась за скобу и спустилась к жильцам.

Ли наблюдала за ними из коридора.

— Ты отказался от её помощи во время боя.

— Она первая отказалась. Просто голос уже не работал.

На крыше снова ударил колокольчик. Огонь в очагах поднялся, из подвала донёсся кашель.

— Боро должна снять знак, — сказала Ли. — Иначе жильцы начнут платить дыханием за каждый наш удар.

— Что нужно тебе?

— Дверная полоса. Целая.

Савва уже стоял возле наружного входа. Красная полоса была прибита к доскам девятью короткими гвоздями. Имена шли сверху вниз, начиная с хозяина.

— Здесь порядок чтения, — сказал он. — Сначала дом признаёт лицо записанным, потом требует очищения, после чего разрешает выход.

— Поменяй первое и последнее условия.

— Тогда выйдет: дом разрешает выход тому, чьё лицо признаёт?

— Нет. Нам нужно, чтобы человек сам назвал лицо.

— Это уже другой смысл.

— Поэтому ты и нужен.

Савва вытащил нож и поддел край красного лака.

— Приятно, когда мастер признаёт ценность неправильного перевода.

— Я признала ценность точного.

— Не портъ момент.

Ли положила рядом три нефритовые пластины. Рука у неё дрожала сильнее, чем утром. Глеб заметил, как она прижала запястье к колену.

— Справишься?

— Если не будешь отвлекать.

— Значит, нет.

— Значит, времени мало.

Снаружи раздался приказ командира:

— Выдайте непризнанное лицо и свидетельства. Остальные будут освобождены.

Глеб подошёл к двери.

— Сначала убери людей с крыши.

— После передачи заражённой.

— Тогда стой на холоде.

— Очаги принадлежат нам до завершения очищения.

Ли тихо сказала:

— Это правда. Они вписали себя временными хранителями двора.

— Можно отменить?

— Только через пороговый якорь. Он под дверью.

Глеб поднял половицу у входа. Под ней лежала железная скоба, замкнутая вокруг камня. Красная линия от очагов сходилась к ней. Если разбить камень целиком, дом останется без защиты, а огонь погаснет.

— Мне нужно снять только право монастыря решать, чьё лицо очищено, — сказал он.

— Я сформулирую исключение. Савва изменит порядок. Ты коснёшься якоря после того, как Боро заглушит колокол.

— А если она не успеет?

С потолка посыпалась пыль. Затем наверху закричал монах.

— Успела, — ответил Савва.

На крыше Боро обмотала поясом трубу и поползла к колокольчику. Она бросила черепицу в охранника, а когда тот прикрыл лицо, дёрнула верёвку у его ноги. Мужчина скатился к краю. Боро зажала язык колокольчика деревянным клином.

Пламя в очагах опустилось, голоса наверху стихли, а из подвала больше не доносился кашель.

— Сейчас, — сказала Ли.

Савва срезал два знака с дверной полосы и поменял их местами. Ли провела между ними кровавую линию.

— Выход признаётся за лицом, которое человек называет своим по собственной воле. Свидетель подтверждает выбор. Дом сохраняет тепло для жильцов независимо от решения хранителя.

Железо сопротивлялось. Полоса выгнулась, гвозди заскрипели.

— Имя свидетеля, — сказал Савва.

— Моё, — ответил Глеб.

— После перевала твоё имя может не удержаться.

— Тогда твоё.

Савва посмотрел на него.

— Я переводчик, а не свидетель.

— Ты слышал, как люди называли себя при заселении?

— Слышал.

— Значит, свидетель.

Савва выругался на своём языке и поставил отпечаток пальца на линии Ли.

Дверь дёрнулась; снаружи очищающие ударили бревном. Засов треснул.

Глеб опустил ладонь на пороговый камень.

Печать предъявила условие. Монастырь объявил лица жильцов загрязнёнными, затем присвоил себе право решать, когда очищение завершено. Очаги удерживали людей внутри и платили их дыханием за сопротивление.

Глеб принял право двери защищать дом. Требование монастыря противоречило ему: защита не могла отнимать воздух у тех, ради кого существовала.

Камень обжёг ладонь.

В памяти возник вечерний двор. Мужчина учил его проверять засов плечом и пальцами. Он смеялся: молодой Глеб трижды проверил дверь и забыл закрыть окно. Лицо мужчины исчезло, затем пропало имя. Осталась привычка касаться скобы перед сном.

— Дверь хранит тех, кто выбрал своё имя, — сказал Глеб. — Монастырь не может назначать им другое лицо.

Он сжал скобу. Железо лопнуло у места, где красная линия входила в камень. Тепло не исчезло. Огонь в кухне продолжал гореть, но связь с дыханием жильцов оборвалась.

Дверная полоса почернела. Имена на ней проступили снова, уже без монастырской пометки.

Снаружи выбили засов. Створка открылась, и первые очищающие ворвались внутрь.

— Назови себя, — сказал Савва хозяину через люк.

— Чэнь Бо!

Дверь выпустила его из подвала и не признала очищающих хранителями.

Один монах сделал шаг через порог. Красная полоса вернула его во двор. Второй попытался пройти следом и столкнулся с первым.

Глеб вышел наружу. На крыше Боро сидела возле связанного колокольчика и махала ему рукой.

— Ваш дом очень неудобный, — сказала она хозяину.

— Я строил дёшево.

— Получилось надёжно.

Командир очищающих стоял у ворот. Он не поднял оружие. Вместо этого развернул свиток с чёрной печатью.

— Нападение прекращено. Наследственной свидетельнице Ли Шэньюэ предъявляется требование явиться в монастырь Девяти Затворов.

Ли вышла к порогу.

— На каком основании?

— На основании действующего договора и крови, которой вы открыли городской гвоздь.

Он передал свиток Савве. Внизу стояла подпись Ши Гуаня. Под ней другой рукой была добавлена приписка.

— Фа Жэнь, — прочитал Савва. — Хранитель поправок.

Ли взяла указ левой рукой. Правая всё ещё дрожала.

— Что будет, если я не явлюсь?

Командир указал на последнюю строку.

Савва перевёл вслух:

— Если наследственная свидетельница не войдёт в монастырь до полудня, её молчание признаётся согласием на обряд тысячи лиц.

Во дворе стало тихо. За стеной продолжал работать городской склад, и люди ещё получали зерно по прежним именам.

Ли свернула указ.

— До полудня успеем.

Глеб посмотрел на городские ворота. Створки закрылись, и на железной полосе над засовом проступило новое условие: молчание Ли будет принято до полудня.

Глава 8. До тёмной луны

До полудня оставалось несколько часов. Войти в монастырь следовало раньше, чем молчание Ли признают согласием города. К утру дом городского собрания был полон. Семьи стояли вдоль стен, а Ли Шэньюэ положила указ на стол и прижала края нефритовыми пластинами.

Лань сидела рядом с углём и дощечкой. После боя её голос не вернулся, а ослабленный зажим маски щёлкал при дыхании. Староста Дэн Жуй закрыл двери перед монастырскими наблюдателями.

— Читайте вслух, — потребовала вдова кожевника. — Чтобы потом нам не сказали, будто мы всё поняли иначе.

Савва встал у стола.

— Я переведу каждую строку. Если смысл изменится, Ли меня остановит.

— Я остановлю раньше, чем смысл успеет убежать, — сказала Ли.

— Поэтому с вами удобно работать.

Она развернула нижний край указа. Под основным текстом стояли две подписи. Ши Гуань разрешал наследственной свидетельнице явиться в монастырь и потребовать разбирательства по договору. Ниже другой рукой было добавлено условие: если она не придёт до полудня, молчание признают согласием на обряд тысячи лиц.

— Вторая строка написана позже, — сказала Ли. — Чернила другие, и печать Ши Гуаня не касается приписки.

Посланник монастыря стоял напротив стола.

— Хранитель поправок вправе уточнять порядок исполнения.

— Фа Жэнь вправе толковать действующее условие. Здесь он создал новое.

— Ваш клан молчал много лет.

Ли почувствовала, как правая кисть дрогнула. Она положила ладонь на стол.

— Мой клан уничтожен. Смерть не является согласием.

В зале зашумели. Савва поднял указ.

— Здесь нет слова о смерти. Приписка говорит только об отсутствии возражения.

— Значит, она составлена так, чтобы погибшие всегда соглашались, — сказал Глеб.

Посланник посмотрел на него.

— Вы не сторона договора.

— Зато умею узнавать ловушку без печати.

Ли показала собравшимся подпись Ши Гуаня.

— Настоятель оставил право на спор. Фа Жэнь пытается превратить срок явки в согласие на обряд. Эти решения принадлежат разным людям.

— Значит, монастырь разделён? — спросил староста.

— Значит, право на спор ещё действует.

Мужчина из семьи городского лекаря ударил ладонью по столу.

— Пока вы спорите о почерке, мой брат сидит в одной из камер. Верните его сегодня.

— Снимите гвозди, — потребовал старик у двери. — Без них монастырь не удержит наши имена.

Ли убрала пластины от края свитка.

— Если выдернуть гвоздь зерна, склад не откроется по городскому договору. Если разрушить знак воды, зрители потеряют право распределять её зимой. Сейчас город не готов заменить эти службы.

— Нас держат голодом, — сказала вдова кожевника.

— Да. Поэтому я не стану делать вид, что достаточно разбить стену.

Глеб подошёл к окну. За ним тянулась очередь у склада.

— Можно вывести город из зависимости и открыть амбар без монастырского хранителя.

— Сколько времени? — спросила Ли.

Он посмотрел на Боро. Та положила на стол складскую дощечку, которую утром принесла от хранителя.

— Если сократить пайки, зерна хватит на двадцать три дня. Потом придётся кормить город снегом.

— Снега много, — заметил Савва. — Вкус слабый.

Несколько человек засмеялись, но быстро замолчали.

Староста провёл пальцем по отметкам.

— До первого каравана не меньше месяца. Перевал повреждён. После вашего прохода его чинят.

На полях приписки стоял знак лунного счёта. Девятая ночь приходилась на тёмную луну, когда городские гвозди обновляли без собрания. После неё спорить пришлось бы уже с завершённой подменой, а вернуть прежних носителей стало бы труднее.

— Значит, сначала нужно отделить городские службы от права подмены, — сказала Ли. — Для этого мне нужен исходный договор и записи девяти камер.

— А семьи? — спросила вдова.

— Пока идёт спор, монастырь не должен назначать новых носителей. Имена останутся у Саввы, а я предъявлю число случаев и вещи, которые не совпадают с записями.

Савва положил ладонь на сумку с копиями.

— Обычно меня просят говорить.

Посланник достал узкую деревянную табличку.

— Есть более простой путь. Вы передаёте Лань очищающим. Монастырь сохраняет нынешних жителей на службах до конца зимы и не пересматривает семейные пайки.

Все посмотрели на женщину в маске.

Лань взяла уголь. Рука дрожала после ночного боя. Она написала крупно: «Нет».

Посланник прочитал и покачал головой.

— Она не может подтвердить отказ голосом.

Ли пододвинула к Лань чистую дощечку.

— Имя выбрано добровольно и засвидетельствовано. Отсутствие голоса не лишает её воли.

— Монастырь не признавал это имя.

Лань написала ещё одну строку: «Поэтому я вам его не отдаю».

Боро фыркнула.

— Без голоса она говорит понятнее многих.

Посланник повернулся к семьям.

— Отказ одной беглянки подвергает город риску.

Вдова кожевника встала рядом с Лань.

— Монастырь уже забрал моего мужа. Второго человека я ему не отдам.

К ней присоединились несколько жителей. Остальные остались у стены: страх перед голодом имел точный вес.

— Передайте Фа Жэню, — сказала она, — Лань входит в спор как носитель доказательства. До решения её нельзя очищать, переименовывать или отделять от выбранных свидетелей.

— Вы говорите как наследница договора.

— Нет.

Ли сняла с пояса родовую пластину и положила рядом с указом.

— Я отказываюсь от положения наследницы-владелицы. Знак моего рода не даёт мне права распоряжаться людьми.

Посланник впервые изменился в лице.

— Тогда вы теряете право требовать архив.

— Я вхожу как оспаривающая сторона. Моя кровь участвовала в старом договоре, а новый гвоздь признал её. Этого достаточно, чтобы потребовать проверку поправки.

— Назовите свидетеля, который понимает язык договора.

— Савва Кривич.

— Он чужеземец.

— Поэтому ваши привычные слова не пройдут мимо перевода.

Савва поклонился.

— Я постараюсь быть неудобным с уважением.

— Свидетель должен подтвердить, что понял цену спора.

— Понял. Если она проиграет, город останется связан поправкой, а Ли потеряет право выйти из монастыря без признания поражения.

Ли повернулась к нему. Последнего условия она ещё не произносила вслух.

— Ты прочитал ворота по копии?

— Нижнюю приписку. Ты оставила её на обороте.

Глеб скрестил руки.

— Удобно, когда переводчик читает всё.

— Иногда невыносимо, — сказала Ли.

Посланник забрал табличку.

— Я передам ваш ответ. У ворот монастыря решение примет Фа Жэнь.

— До полудня мало времени, — сказал староста.

— Тогда закончим сейчас.

Семьи подходили к столу по одной, не называя имён. Они подтверждали лишь подмену человека или продолжение его службы после исчезновения. Савва считал свидетельства, Боро сверяла вещи с долговыми книгами, а Глеб не пускал наблюдателей в зал.

К концу чтения набралось двадцать три случая. Этого хватало, чтобы потребовать проверку массовой поправки.

Ли запечатала копии простым воском без родового знака.

— Если мы не вернёмся до девятой ночи, передайте их в Северную столицу.

— Кому? — спросил Дэн Жуй.

— Любому архиву, который монастырь не кормит.

Глеб подошёл ближе.

— Ты решила, что мы не вернёмся?

— Доказательства не должны входить с нами в одни ворота.

— Разумно.

Он не предложил остаться с копиями. Ли ожидала вопроса о плате, приказе или долге. Глеб только проверил ремень меча.

— Почему ты идёшь? — спросила она.

— Потому что выбрал идти.

— Это плохой ответ для договора.

— Зато хороший для меня.

Она посмотрела на его перевязанную ладонь. После порогового якоря он потерял память и ничего не потребовал взамен. Он остался не ради платы.

До ворот монастырской дороги добрались незадолго до полудня. За городом лес стал гуще. Чёрные створки стояли между скалами, покрытыми льдом. Над ними висели девять колоколов разного размера.

У ворот ждал Фа Жэнь, моложе, чем представляла Ли. На его пальцах остались пятна красного лака. Рядом стоял посланник Ши Гуаня с отдельным свитком.

Фа Жэнь поклонился Ли.

- Наследница рода наконец вернулась к договору.
- Оспаривающая сторона прибыла до срока.
- Ваш род не возражал против расширения права замены.
- Мой род к тому времени был мёртв.
- Договор не делает исключения для погибшей стороны.
- Значит, вы записали смерть как согласие.
- Мы применили правило молчания.

Савва шагнул вперёд.

- Я свидетель перевода. Она произнесла возражение, поняла цену и прибыла лично.

Молчание закончилось.

Фа Жэнь посмотрел на него.

- Монастырь не приглашал переводчика.
- Поэтому он особенно нужен, — сказала Ли.

Посланник Ши Гуаня развернул свой свиток.

- Настоятель разрешил спор при наличии понятого возражения и независимого свидетеля.

Фа Жэнь прочитал строку. Его лицо осталось спокойным, но пальцы сильнее сжали край бумаги.

- Войти могут Ли Шэньюэ и Глеб Воронеж. Остальные останутся за воротами.

- На каком основании Глеб?

- Он указан вашей охраной.

- Савва указан свидетелем перевода и должен слышать ваши ответы.

Фа Жэнь посмотрел на Лань.

- Непризнанное лицо входу не подлежит.

Лань показала дощечку: «Носитель доказательства».

- Удобное положение, — сказал Фа Жэнь. — Его придумали утром?

- Маска содержит формулу моего рода и право монастыря назначать владельца. Без неё спор будет неполным.

- Железо можно исследовать у ворот.

Лань стёрла надпись и вывела: «Без головы?»

Боро усмехнулась.

- Она спрашивает из практического интереса.

- Маска не отделяется безопасно, — сказала Ли. — Лань входит вместе с ней.

Фа Жэнь перевёл взгляд на Боро.

- Проводница в договоре не нужна.

- Она хранитель пути и имущества делегации.

- После входа выход зависит от решения.

- Поэтому проводница нужна.

Фа Жэнь помолчал. Над воротами качнулся самый малый колокол, хотя ветра не было.

- Вы тщательно меняете названия.

- Название определяет право. Ваш монастырь построен на этом.

Посланник Ши Гуаня поставил печать рядом со списком. Фа Жэнь не мог исключить людей, не отменив разрешение настоятеля.

- Входите все, — сказал он. — До решения спора вы подчиняетесь правилам гостевого двора.

- Правила будут предъявлены до исполнения, — потребовала Ли.

- Будут.

В камне перед воротами открылась узкая борозда.

- Кровь спорящей стороны, — сказал Фа Жэнь.

Ли достала иглу. Глеб удержал её запястье.

— Что заберут ворота?

— Право выйти до решения. Если уйду сама, спор будет проигран.

— Тогда не спеши.

— Полдень через несколько минут.

— Ты точно выбираешь вход?

Ли посмотрела на дорогу. Договор уже отсчитывал ночи для жителей Шуанхэ.

— Выбираю.

Глеб отпустил её руку.

— Тогда я свидетель выбора.

Ли проколола палец и прижала кровь к камню.

Красная борозда заполнилась кровью. Ворота приняли имя Ли и сменили её статус: родовой знак исчез, уступив словам «сторона, оспаривающая право».

Створки открылись внутрь.

Савва прочитал надпись и кивнул.

— Теперь они не смогут назвать тебя владелицей без нового согласия.

— Зато я не смогу уйти без решения.

— Мы тоже не собирались уходить по одному, — сказала Боро.

Они вошли. Фа Жэнь шёл первым, посланник Ши Гуаня остался снаружи. Когда Глеб переступил порог, он оглянулся на дорогу, но створки уже двигались.

Девять колоколов зазвучали один за другим. Первый плакал голосом ребёнка. Второй просил воды. Из третьего доносился женский голос, повторявший чужое имя. Остальные голоса слились над ледяным лесом.

Ворота закрылись.

Лань схватилась за маску. Из-под железа вышел хрип, затем ясный женский голос. Она могла говорить снова.

Ли повернулась к ней.

— Назови себя.

Лань подняла голову и произнесла имя, которого среди записанных жизней не было:

— Юнь-Су.

Часть II. Девять камер

Глава 9. Монастырь в ледяном лесу

После имени Юнь-Су Лань замолчала и прижала пальцы к маске. Железо больше не мешало ей говорить, но первое слово выбрало за неё другое имя.

Фа Жэнь остановился. На его лице ничего не изменилось, зато монахи у ворот одновременно повернули головы.

— Это имя запрещено произносить во внешнем дворе, — сказал он.

— Значит, здесь его знают, — ответил Глеб.

— Я сказал только о запрете.

— А я услышал остальное.

Лань попыталась повторить своё имя, но изо рта вышел слабый звон. Один из малых колоколов над воротами ответил тем же звуком.

Ли подошла к ней.

— Не заставляй голос. Скажи жестом: имя пришло из маски?

Лань покачала головой, затем коснулась груди. Имя пришло из неё самой или из места, которое она считала собой.

Фа Жэнь продолжил путь.

— Вопрос будет рассмотрен после размещения. Гости не обсуждают внутренние имена во дворе.

— Мы ещё не согласились с правилами гостевого двора, — сказала Ли.

— Вы потребовали предъявлять их до исполнения. Я предъявляю.

Он указал на каменную доску у дороги. Савва прочитал надпись вслух. Гость сохранял имя, пока исполнял назначенную ему роль. Вход в помещение с другой ролью считался добровольным отказом от прежних прав.

Глеб посмотрел на здания за стеной. Там шла обычная работа: из кухни несли котлы, у лазарета разгружали травы, а на северной стене караул принимал смену.

Никто не разговаривал. Приказы передавали дощечками и ударами малых колоколов.

Ледяной ветер шёл между чёрными крышами. Монахи работали без рукавиц. На пальцах у некоторых были трещины, но они не прятали руки и не растирали их.

— Им холодно, — сказал Глеб.

— Они не показывают это во внешнем дворе, — ответил Фа Жэнь.

— Почему?

— Страх холода принадлежит первой камере.

У прохода к лазарету висела табличка: «Без боли». Над крытым мостом к архиву стояли знаки: «Без памяти». Дальше Глеб увидел ворота с надписью «Без голоса». Остальные переходы уходили за стены, но у каждого был свой запрет.

— Вы велите оставлять человеческое качество перед дверью? — спросил Савва.

— Камеры принимают только то, что хранят. Постороннее мешает работе.

— Человек тоже мешает?

— Человек приходит за помощью.

— И выходит без части себя, — сказал Глеб.

Фа Жэнь повернулся.

— Иногда человек выходит живым. За пределами монастыря это считают достаточным результатом.

Он не лгал. В его словах не было и сожаления.

Во дворе женщина-послушница несла котёл. Она поскользнулась, обварила запястье и не вскрикнула. Другой монах забрал котёл, а её отвели в проход «Без боли».

— Удобно, — сказал Глеб. — Работник не мешает службе собственным телом.

— Лечение должно продолжаться.

— Даже если больной передумал?

Фа Жэнь не ответил.

К ним подбежал молодой послушник. Он был невысоким, с обритой головой и обмороженными ушами. На шее висел деревянный знак с именем Цзэ.

Юноша поклонился Фа Жэню и передал дощечку.

— Ваш проводник по гостевому двору, — сказал хранитель поправок. — Он покажет комнаты и принесёт всё, что разрешено гостю.

Цзэ взглянул на Глеба и быстро провёл пальцем по горлу. Потом указал на Лань, на проход «Без голоса» и сложил ладони, будто закрывал книгу.

— Что он сказал? — спросил Глеб.

Савва всмотрелся в движения.

— Похоже на предупреждение. Только словарь жестов у нас бедный.

Цзэ открыл рот. Вместо речи раздался чистый звон малого колокола.

Лань шагнула к нему. Маска ответила таким же звуком. Цзэ испуганно отступил, потом коснулся собственного рта и её железного лица.

Лань подняла дощечку и написала углём: «Твой голос где?»

Цзэ указал на третий закрытый переход.

— Камера голоса, — сказал Савва.

Юноша кивнул. Потом написал на обороте: «Моя роль — звон».

Фа Жэнь забрал дощечку.

— Послушник исправляет прежнюю неспособность служить. Не отвлекайте его вопросами.

— Он предупредил нас, — сказал Глеб.

— Он исполнил обязанность встречающего.

Глеб слышал буквальную правду. Фа Жэнь так назначил обязанность, чтобы любое действие Цзэ считалось службой монастырю.

У склада разгружали зерно, а из лазарета вынесли носилки. Освободившееся место сразу занял следующий больной.

— Здесь всё работает, — сказал Савва.

— Потому сюда и идут, — ответила Ли.

Монастырь кормил, лечил и держал дорогу. За помощь монастырь требовал, чтобы люди жили в назначенной им роли.

Перед гостевым корпусом Фа Жэнь открыл реестр.

— Ли Шэньюэ: спорящая сторона. Савва Кривич: свидетель перевода. Лань: носитель доказательства. Боро Чулуу: хранитель имущества делегации.

Он остановился на последней строке.

— Глеб Воронеж: оружие спорящей стороны.

Дверь рядом с Ли открылась. Другая створка, ведущая к отдельному флигелю, отворилась перед Глебом.

— Я не вещь, — сказал он.

— Положение описывает назначение.

— Моя роль определяю я.

— На монастырской дороге вы были записаны как её охрана.

— Охрана — человек. Оружие можно положить в сундук и забыть.

Фа Жэнь провёл кистью по строке.

— Оружие не присутствует на слушании. Его содержат в сторожевом корпусе до завершения спора.

— Значит, поэтому ты выбрал слово.

— Слово соответствует вашим действиям. Вы применяете силу, когда мастер меняет условия.

Глеб услышал ложь. Фа Жэнь видел его поступки и нарочно убрал из них выбор.

— Я нахожусь рядом с Ли не по приказу и не ради платы.

Ли посмотрела на него. Внешне спокойно, но её правая рука перестала дрожать на несколько ударов сердца.

— Это заявление не меняет реестр, — сказал Фа Жэнь.

— Тогда меняет поступок.

Глеб снял короткий меч и положил на стол возле книги. Рядом лёг топор. Нож из рукава он вынул последним.

Боро посмотрела на него.

— Всё?

— Нет.

— Я так и думала.

Он достал второй нож из сапога и железную спицу из подкладки.

Савва поднял брови.

— Ты собирався чинить монастырь изнутри?

— Теперь придётся словами.

— Запиши меня добровольным свидетелем спорящей стороны, — сказал Глеб.

— Свидетелем уже назначен переводчик.

— Он свидетель смысла. Я свидетель выбора Ли войти и права Лань носить выбранное имя.

Фа Жэнь покачал головой.

— Вы не понимаете монастырского договора.

— Поэтому и не толкую его. Я подтверждаю поступки, которые видел.

— Свидетель принимает последствия ложного подтверждения.

— Принимаю.

— Кровью?

— Ворота уже взяли образец.

— Для новой роли нужна новая подпись.

Ли вмешалась:

— Он не обязан платить кровью за исправление вашей оскорбительной записи.

— Назначение оружия определили по тому, как им пользовались.

— Тогда вы должны были спросить, признаёт ли он её.

Фа Жэнь закрыл реестр.

— Спорящая сторона защищает своё имущество?

Глеб ответил раньше Ли:

— Она защищает человека от записи вещью.

Он проколол большой палец собственным шилом и прижал кровь к пустому месту книги.

— Глеб Воронеж. Вошёл добровольно. Свидетельствует то, что видел сам. Может отказаться от участия, но не выдаёт отказ за согласие другого.

Чернила пошли к строке. Слово «оружие» побледнело, и дверь отдельного флигеля закрылась. Реестр принял условие раньше, чем Фа Жэнь коснулся его кистью.

— Вы стали частью разбирательства, — сказал хранитель поправок. — До решения покинуть владение не сможете.

— Я и раньше не собирався.

- Люди часто меняют решение.
- Тогда спросишь, когда изменю.
- Ли взяла с оружейного стола его шило и вернула ему.
- Свидетелю разрешён письменный инструмент.
- Очень опасный.
- В твоих руках любой предмет страдает от назначения.

Фа Жэнь оставил оружие у стражи. Глеб заметил, что короткий меч положили отдельно и повязали красной нитью. Теперь монастырь имел его почерк в реестре и кровь с ворот. Этого было достаточно, чтобы изготовить убедительную запись.

Цзэ повёл их внутрь. Общая дверь пропустила всех, но перед комнатами коридор разделился. Ли и Лань получили помещение возле внутреннего двора. Савву поселили напротив. Боро отвели к конюшне, где хранилось имущество.

Глеб остановился.

- Делегация должна иметь общую комнату.

Цзэ показал на широкую дверь в конце коридора. На ней стоял знак «совещание». Она открывалась только на два часа после вечернего барабана.

- До тех пор нас разделят, — сказал Глеб.

Фа Жэнь остался у входа.

— Размещение соответствует назначению. Спорящая сторона готовится отдельно. Свидетель перевода проверяет тексты. Носитель доказательства находится под наблюдением мастера.

- А добровольный свидетель?

— Наблюдает.

— Из комнаты?

— Если назначенная роль не разрешает иной вход.

Глеб подошёл к двери Ли. Порог сразу поднялся на высоту ладони и не пустил его.

— Помещение спорящей стороны, — прочитал Савва.

Ли переступила назад.

— Я подтверждаю его присутствие.

Порог не опустился.

— Здесь действует реестр, а не приглашение жильца, — сказал Фа Жэнь. — Монастырь защищает гостей от смешения ролей.

— Удобная защита, — ответил Глеб. — Даже хозяин комнаты не решает, кого пустить.

Цзэ дёрнул его за рукав. Послушник показал на дверь совещаний, затем приложил палец к губам. Из рта снова вышел звон.

Лань подошла к нему и коснулась ослабленного зажима маски. Потом написала на дощечке: «Я помогу вернуть голос».

Цзэ смотрел на слова долго. Затем стёр «вернуть» и написал: «Выбрать».

Лань кивнула. Они поняли друг друга лучше, чем остальные.

Фа Жэнь приказал принести горячую воду и еду. Через несколько минут по коридору прошли послушники с подносами. Монастырь не морил гостей и не оставлял без ухода. Он просто решал, где каждому есть и кем быть во время еды.

— Слушание начнётся после вечернего барабана, — сказал Фа Жэнь. — До этого времени двери будут признавать только назначенные роли.

— А если случится пожар? — спросил Савва.

— Гости выйдут по знаку тревоги.

— Кто решит, что огонь настоящий?

— Хранитель двора.

— Надеюсь, он не любит долго читать.

Фа Жэнь ушёл.

Глеб вошёл в свою комнату. Внутри стояли кровать, стол и сундук без замка. Окно выходило на северную стену. Под рамой лежал деревянный клин нужной толщины, чтобы створка не хлопала.

Кружка стояла ручкой вправо. Половица скрипела там, куда Глеб обычно ставил ногу перед сном. Комнату подготовили под его привычки.

Он не тронул еду, проверил раму и простучал стену. За кирпичом дымохода нашлась слуховая щель.

Потом он осмотрел пол и заметил доску, закреплённую новым гвоздём. Железо ещё не потемнело.

Глеб поддел гвоздь шилом. Под половицей лежал пучок совсем свежих рыжевато-серых лисьих волос, а рядом — сложенный лист бумаги.

Он развернул записку на столе, не касаясь края ладонью.

Почерк принадлежал ему. Так он сокращал последнюю букву и сильнее нажимал в конце строки. Монастырь получил образец недавно, но чернила уже высохли, а бумага пахла старым дымом.

Первая строка была короткой:

«Не верь тому, кто помнит за тебя».

Ниже стояло предупреждение не идти в камеру памяти одному. Последняя фраза заставила Глеба перечитать её трижды.

«Силан перед смертью спрятал медный крест в твоём левом сапоге, потому что боялся, что после расправы его назовут предателем. Ты обещал вернуть крест сестре, но так и не нашёл её».

Глеб знал, что потерял имя погибшего товарища после первой печати. Он помнил сам факт смерти, но не лицо и не голос. О кресте не осталось ничего. Эту подробность он не рассказывал Ли, потому что не мог рассказать то, чего не помнил.

За стеной один раз звякнул малый колокол.

Глеб сложил записку и спрятал под рубаху. В монастыре уже находился человек или запись, которая владела его почерком и памятью лучше него самого.

Глава 10. Настоятель-врач

Вечернего барабана ждать не стали. Вскоре после того, как Глеб нашёл записку, Цзэ принёс приказ явиться в лазарет. Под строкой стояла печать Ши Гуаня.

Ли прочитала дощечку дважды. Фа Жэнь назначил слушание в зале договоров, но настоятель перенёс его к больным.

— Он хочет показать результат раньше цены, — сказал Савва.

— Я бы сделала так же, — ответила Ли.

Глеб посмотрел на неё.

— Поэтому и опасно.

Цзэ провёл их через двор к зданию с широкими окнами. Над входом висела карантинная печать. Красная линия шла по косяку и замыкалась на медной чаше с водой.

— В лазарете лёгочная горячка, — написал Цзэ.

Глеб указал на знаки вокруг чаши.

— Она не запирает больных.

— Она разделяет заражённые вещи и чистый двор, — сказала Ли. — Выйти можно после осмотра лекаря.

— Разумное условие, — заметил Савва. — Даже обидно.

Ли коснулась нефритом нижней черты. Условие показало, кто платит цену и как она передаётся. Печать не лечила болезнь. Заражённые вещи выносили только с отметкой лекаря, воду всё равно кипятили, одежду сжигали, а больных держали отдельно.

— Поставлена семь лет назад, — сказала Ли. — Во время эпидемии она остановила распространение.

В этот момент молодой монах понёс из палаты миску. Красная линия на пороге поднялась и удержала его за запястье. Он показал метку лекаря, но печать не отпустила.

Ли указала на край дощечки.

— Подпись смыта паром. Обновите её.

Помощник подал кисть. После нового знака линия пропустила миску в печную комнату.

— Печать проверяет вещь, а не происхождение человека, — сказал Савва.

— Так и должно быть, — ответила Ли. — Здесь условие ограничено задачей. Оно не присваивает больному новое имя и не объявляет молчание согласием.

Фа Жэнь убрал дощечку из её рук.

— Значит, вы признаёте, что монастырь умеет действовать правильно.

— Я признаю правильно составленное условие. Не приписывайте ему заслуги соседней двери.

Фа Жэнь ждал у двери.

— Вы уже получили первый ответ.

— Я подтвердила пользу одной печати. Она не оправдывает подмену людей.

— Настоятель просит точности, а не оправдания.

Внутри пахло варёными травами. Монахи меняли воду в котлах и растирали руки больных тёплой тканью. Никаких чудес они не обещали.

Ши Гуань стоял у дальней койки в простом переднике. Он перевязывал обмороженную стопу мальчика.

— Не затягивай у пальцев, — сказал он помощнику. — Кровь должна идти.

Закончив, настоятель вымыл руки и подошёл к гостям.

— Ли Шэньюэ. Рад, что вы прибыли до срока.

— Вы оставили право на разбирательство.

— Потому что право на спор отличает договор от приказа.

Фа Жэнь едва заметно сжал губы. Настоятель говорил с Ли как с мастером, хранитель поправок видел в ней помеху расписанию.

— Тогда остановите обряд до завершения проверки, — сказала она.

— Если проверка не убьёт тех, кого вы хотите защитить.

Ши Гуань подвёл их к женщине у окна. Она дышала тяжело. Рядом сидел городской лекарь из Шуанхэ, чья подпись изменилась после эпидемии.

— Этот человек занял место умершего врача, — сказал настоятель. — За пять лет он принял больше тысячи больных.

— Он получил чужое имя, — ответила Ли.

— И ремесло. Без него эта женщина умерла бы прошлой ночью.

Лекарь поднял глаза.

— Я соглашался принять знания. О прежнем имени мне сказали после вмешательства.

— Вы могли отказаться? — спросил Савва.

— Тогда ремесло забрали бы обратно. Я уже умел лечить и не смог уйти.

— Город снова остался бы без врача, — сказал Ши Гуань. — Хорошего решения не было. Женщина у окна закашлялась. Лекарь сразу приподнял ей спину, дал тёплую воду и дождался, пока дыхание успокоится. Двигался он уверенно, без подсказок монаха.

Ши Гуань посмотрел на руки лекаря. — Эти руки спасают людей.

Ли не отвела взгляда. — Да. Но умение лечить не делает его прежним врачом.

— Я тоже не хочу быть прежним. Мне хватило бы ремесла и собственного имени, — сказал лекарь.

— Город принял бы без имени? — спросил Глеб.

— Нет. Первую неделю ко мне не пришёл ни один больной. После замены таблички очередь стояла до ворот.

Ши Гуань не скрывал этого. Его система работала именно потому, что меняла не только руки лекаря, но и доверие города.

— Он не понимал полную цену, — возразила Ли.

— Вы спрашиваете тяжелораненого, готов ли он потерять сознание перед лечением?

— Если он может ответить.

— А если не может?

— Спасая его жизнь. Но после лечения не забираю его имя.

Настоятель кивнул.

— Поэтому я разрешил спор.

В следующем помещении лежали люди после горячки. Один мужчина не помнил лица жены, но умел чинить городской водопровод. Другой говорил чужим голосом и работал в пожарной страже.

— Если открыть камеры сразу, извлечённые качества вернуться к исходным телам или распадутся, — сказал Ши Гуань. — Нынешние носители потеряют то, что поддерживает их жизнь. Один забудет, как глотать. У другого вернуться приступы удушья.

Глеб стоял возле двери без оружия.

— Вы привязали их к камерам и теперь называете эту зависимость причиной не открывать камеры.

— Да. Причина от этого не стала слабее.

Он говорил правду. Ли почувствовала, как простой довод против монастыря распадается. Разбить печати было легко лишь до встречи с теми, чьи тела держались на них.

— Покажите записи согласия, — потребовала она.

— Сначала один больной, — сказал Ши Гуань.

У последней койки лежал старик. Память о зимней горячке извлекли из него десять лет назад, чтобы тело перестало повторять приступы удушья.

— Вы согласились? — спросила Ли.

— Мне дали кисть. Я поставил знак.

— Понимали, что память останется в камере?

Старик нахмурился.

— Врач сказал, станет легче.

Савва перевернул дощечку. Согласие на хранение памяти было добавлено через три дня после первого отпечатка.

— К этому времени он уже не помнил, что отдал.

Ши Гуань прочитал дату.

— Верно.

Фа Жэнь шагнул ближе.

— Согласие подтверждено свидетелем лечебного двора.

— Свидетель видел знак, — ответил Савва. — Он не мог вернуть больному утраченное понимание.

— Больной получил пользу.

— Польза не умеет говорить вместо него.

Старик спросил:

— Вы вернёте мне болезнь?

— Нет, — сказала Ли. — Мы проверяем, кто решил оставить вашу память в камере.

— Оставьте. Мне и без неё тяжело.

— Это ваш нынешний выбор, — сказал Савва. — Но прошлую подпись нельзя объявлять полным согласием.

Ши Гуань задержал на нём взгляд.

— Вы переводчик?

— Сегодня ещё читаю даты.

— Полезное сочетание.

— Здесь опасное.

Зал слушания находился за лазаретом. В нём не было возвышения. Посередине стоял стол, вдоль стен хранились лечебные книги.

Лань ждала там вместе с Цзэ. После имени Юнь-Су голос возвращался короткими фразами.

— Я присутствую как доказательство, — сказала она.

Фа Жэнь открыл реестр.

— Носитель доказательства не участвует в медицинском споре.

Ли положила ладонь на книгу.

— Её маска содержит формулу моего рода и вашу поправку. Она остаётся.

Ши Гуань сел напротив.

— Пусть остаётся.

Фа Жэнь записал решение так, словно дал разрешение сам.

Савва разложил согласия. Несколько подписей появились после утраты голоса. В других случаях люди подтверждали хранение памяти, когда уже не помнили, что отдали.

— Это не случайные ошибки, — сказала Ли. — Полное согласие у вас возникает после вмешательства.

— До вмешательства человек часто отказывается от единственного способа выжить, — ответил Ши Гуань.

— Это его право, если он понимает последствия.

— А его дети понимают, что останутся без отца?

Ли почувствовала знакомое желание решить за больного, потому что она лучше видела устройство печати. Так начинались поступки, которые потом называли необходимыми.

— Дети не владеют его телом.

Ши Гуань опустил взгляд на руки.

— Я говорил так в молодости. Потом увидел город после мора.

— И решили, что результат даёт право назначать цену.

— Решил, что право без результата утешает только мёртвых.

— Вы сохранили тела и присвоили личности.

— Я сохранил жизнь там, где мог.

Фа Жэнь добавил:

— Отказ проверяли на способность понимать угрозу.

— Те же люди, которым требовалось согласие, — сказал Савва.

Глеб положил на стол записку из своей комнаты, не раскрывая последней строки.

— Ваши люди готовят комнаты под привычки гостей и пишут их почерком. Это тоже лечение?

Фа Жэнь потянулся к листу. Глеб накрыл его ладонью.

— Сначала ответ.

— Гостевой двор собирает сведения ради безопасности, — сказал хранитель поправок.

Глеб повернулся к Ли.

— Он врёт.

Ши Гуань повернулся к Фа Жэню.

— Записка создана здесь?

— Я не давал такого распоряжения.

— Правда, — сказал Глеб. — Он не давал.

— Значит, поручение пришло из другой камеры, — решил Ши Гуань. — Я проверю до вечера.

Настоятель не стал закрывать вопрос удобной строкой. Фа Жэнь уже искал основание отложить проверку.

— Я требую остановить обряд тысячи лиц до осмотра девяти камер, — сказала Ли.

— Все девять открыть нельзя. Три внутренние поддерживают связи внешних камер.

— Тогда дайте исходные договоры и журналы вмешательств.

Фа Жэнь развернул расписание.

— Одна камера в день. Лечебный двор подготовит носителей.

Савва посмотрел на отметки.

— Последняя откроется после тёмной луны.

— Проверка требует времени.

— И заканчивается после обряда, — сказал Глеб.

Ли взяла расписание. В нём были названы первые шесть камер. Три нижние скрывались за строкой «внутренняя поддержка». Фа Жэнь давал им видимость полного доступа и не подпускал к основанию системы.

— Первые шесть за три дня, — сказала она.

— Носители не выдержат.

— Тогда предложите срок, который оставит время проверить нижний уровень.

Ши Гуань поднял руку, и Фа Жэнь замолчал.

— Вы получите доступ к первым шести камерам и начнёте сегодня. Осмотр проходит при лекаре, переводчике и Лань. Последствия разрешено записывать.

— А внутренние камеры?

— Вернёмся к ним, если вы докажете прямой вред городу.

— Принудительная подмена уже является вредом.

— Для права — возможно. Для тел в моём лазарете этого мало.

Ли не приняла довод, но спорить до открытия первых дверей было бесполезно.

— Обряд приостанавливается?

Фа Жэнь ответил:

— Срок продолжает идти. Остановить его могут все наследственные стороны.

— Мой род уничтожен.

— Поэтому ваша кровь необходима.

Вежливая формулировка скрывала прежнюю ловушку. Ли требовалась монастырю не только для спора.

— Я принимаю доступ к шести камерам. Это не согласие с обрядом и не отказ от требования открыть нижний уровень.

Савва повторил условие на языке договора. Ши Гуань подтвердил его своей печатью. Фа Жэнь поставил отметку времени.

Лань коснулась маски.

— Первая... страх?

— Да, — ответил настоятель.

Цзэ опустил голову. Из его рта тихо звякнул колокол.

— Первая камера хранит страх, извлечённый у жителей Шуанхэ за двадцать лет, — сказал Ши Гуань. — Он не исчез. Печать удерживает его отдельно.

— И у тех, кто не успел согласиться, — заметил Савва.

— И у них.

— Что произойдёт при открытии? — спросила Ли.

— Каждый связанный житель почувствует свою часть. Слабый приступ закончится дрожью. Сильный может остановить сердце.

За окнами монахи продолжали носить воду и менять повязки. Лазарет работал, пока мастера спорили о праве на чужую жизнь.

Ши Гуань передал Ли ключ с изображением закрытого глаза.

— До первой камеры вы ещё можете отказаться.

Она взяла ключ левой рукой. Правая снова задрожала.

— От осмотра не откажусь.

— Тогда готовьте город к возвращению того, что мы у него забрали.

На ключе проступила красная линия. Первая камера признала Ли проверяющей стороной и начала открываться, а страх Шуанхэ получил путь обратно к своим владельцам.

Глава 11. Камера страха

К первой камере спускались после полудня. Ключ с закрытым глазом в руке Ли нагревался при каждом повороте лестницы, а красная линия на его краю становилась ярче.

Глеб шёл первым. Оружие осталось у стражи, поэтому он нёс только шило, признанное письменным инструментом. Савва назвал это победой учёности. Глеб ответил, что шило спорит короче переводчика.

Лань шла рядом с Цзэ. Послушник опять лишился речи: из его рта выходил звон малого колокола. Чем глубже уходил коридор, тем громче становился звук.

У нижней двери их ждал хранитель камеры. На нём был серый передник без знаков. Правая ладонь покрылась старыми порезами.

— Ключ открывает внешний замок, — сказал он. — Внутренний откроют ваши ответы.

На железной двери было вырезано закрытое лицо. Под ним стоял вопрос: «Что ты боишься потерять?» Рядом висел молоток тревоги. Хранитель ударил по железу, но даже не моргнул. Глеб увидел, что человек проверяет звук, не испытывая ни ожидания удара, ни желания отойти.

— Каждый отвечает сам. Чужой ответ дверь примет за ложь, и она усилит общий страх.

— А если человек не знает ответа? — спросил Савва.

— Камера выберет ближайший.

— Значит, лучше не давать ей права угадывать.

Ли подошла первой.

— Я боюсь потерять способность отличать правильный порядок действий от удобного оправдания.

На двери открылась первая заслонка.

Савва коснулся следующей пластины.

— Боюсь однажды перевести приказ так хорошо, что люди выполняют его раньше, чем поймут смысл.

Вторая заслонка ушла в стену.

Лань долго молчала. Маска попробовала ответить голосом солдата:

— Потерять строй.

Дверь не отозвалась.

Счётная запись произнесла:

— Потерять счёт.

Железо осталось неподвижным.

Лань прижала пальцы к ослабленному зажиму.

— Я боюсь потерять имя, которое выбрала сама.

Третья заслонка открылась. Цзэ указал на своё горло. Савва дал ему дощечку, и послушник написал: «Боюсь, что мой голос вернут другому».

Дверь приняла надпись.

Глеб остался последним. Хранитель указал на его ладонь.

— Скажи о памяти. Ворота уже знают твою цену.

— Память не единственная ценность.

— Ты теряешь её при каждом разрыве.

Глеб коснулся двери. Металл потянулся к старым утратам. Он помнил смерть товарищей, но лица исчезли. Условие камеры зацепилось за эту утрату и потянулось к ней.

Он повернулся к Ли. Она держала ключ левой рукой, а правая дрожала возле пояса.

— Я боюсь однажды забыть, почему защищаю её. Остаться рядом по привычке и не понять, что сам это выбрал.

Последняя заслонка открылась.

Ли повернула голову.

— Тогда не отходи дальше двух шагов и называй причину перед каждым вмешательством.

— Очень душевно, — заметил Савва.

— Это рабочая мера.

Ли вставила ключ. Дверь отворилась внутрь.

За ней стояли железные сосуды, соединённые трубками. На каждом висела городская бирка. Медные жёлоба сходились к колоколу без языка.

Хранитель закрыл дверь. Сразу раздался треск горящей крыши. Глеб почувствовал запах дыма, хотя огня в камере не было.

Женщина звала ребёнка. Дальше били в карантинные ворота и просили выпустить больных. С другого конца зала свистели стрелы, лошади рвались из привязи.

Каждый звук принадлежал событию, пережитому жителями Шуанхэ. Савва узнал пожар в южном квартале по трём ударам пожарного барабана. Карантинные ворота ломали во время лёгочной горячки семь лет назад. Стрелы свистели так, как их описывали жители после набега.

Глеб понимал, что находится под землёй, однако тело выбирало между бегством и ударом. Камера не показывала прошлое. Она включала ту часть прошлого, которая заставляла мышцы действовать раньше мысли.

— Здесь их страх, — сказала Ли. — Телесная реакция, отделённая в момент угрозы.

Глеб подошёл к ближайшему сосуду. Внутри тяжело ударило железо. Сердце ускорилося, ладони вспотели, ноги потребовали отступить.

На бирке было имя городской повитухи. Глеб видел её в очереди за зерном. Она спокойно спорила с монастырским наблюдателем.

— Ей оставили знание об опасности, но забрали то, что заставляет остановиться.

— Город нуждался в людях, способных действовать, — ответил хранитель.

Он открыл малый клапан. Звук пожара усилился. У Глеба обожгло горло, хотя воздух оставался холодным.

— Вы можете направить страх обратно, — сказал Савва.

— Для прекращения беспорядка.

— Так вы остановили бунт у склада, — сказала Ли. — Вернули толпе пожар и смерть детей, которых на площади не было.

— Люди почувствовали своё.

— В выбранный вами час, — ответил Глеб.

Лань остановилась возле трёх узких сосудов. Бирки на них стёрлись, но маска узнала содержимое.

Солдатский голос заговорил первым:

— Окружение. Северная стена потеряна.

Тело Лань развернулось к двери.

Затем счётная запись перебила его:

— Недостача. За ошибку отрежут пальцы.

Лань спрятала руки.

Третий голос принадлежал наставнице:

— Ученица назовёт запрещённое имя. Внутренний затвор откроется.

Маска стянула челюсть. Лань попыталась назвать себя, но произнесла:

— Юнь-Су.

Цзэ схватил её за рукав и написал: «Выбрала сама — Лань».

Она прочитала, однако солдатский страх уже поднял её руки. Лань толкнула Цзэ локтем и отшатнулась.

Глеб встал между ними.

— Какое имя выбрала на дороге?

— Лань.

— Ещё раз.

— Лань.

Зажим у виска приподнялся. Чужая стойка ослабла.

Глеб осмотрел зал. От центрального колокола цепь уходила в нишу за решёткой. Внутри виднелась человеческая рука.

— Там человек.

Он подошёл ближе. За решёткой сидел Цзэ.

Глеб оглянулся. Послушник всё ещё стоял рядом с Лань, но его фигура дрогнула. Тело распалось на звон, ушедший по желобам.

Лань осталась с дощечкой в руке.

— Проводник был отражением назначенной роли, — сказала Ли. — Настоящий Цзэ находится здесь.

Хранитель взял нож.

— Послушник добровольно служит связью между камерой и колоколами.

Цзэ ударил цепью о стену. Из его рта вышел звон, и центральный колокол ответил.

— Он предупреждал нас через отражение, — сказал Савва.

Хранитель разрезал ладонь и прижал кровь к колоколу. На железе появилась строка: «При угрозе хранилищу вернуть общий страх вошедшим».

— Убери руку, — сказала Ли. — Мы действуем по разрешению настоятеля.

— Намерение лишить камеру проводника достаточно.

Колокол ударил без языка.

Глеб снова оказался в горящем доме. Он знал, что стены целы, но тело не верило. Дым давил на грудь. Страх карантина сделал прикосновение Ли опасным. Следующий толчок заставил искать лучника под потолком.

Хранитель шёл к решётке. Пламя лампы коснулось рукава, но он не заметил. Собственного страха у него не было.

— Он откроет городской канал, — сказала Ли. — Весь запас пойдёт в Шуанхэ.

Глеб заставил себя смотреть на каменный пол. Дыма не было. Он вдохнул через нос и поймал хранителя возле колокола.

Тот не защищался, а сунул раненую ладонь глубже в щель. Глеб вывернул ему локоть. Хранитель позволил суставу выйти из места и потянулся другой рукой.

Глеб прижал его к полу и стянул запястья ремнём. Мужчина ударился лицом о камень, но продолжал ползти к колоколу. Огонь с рукава перешёл на передник. Глеб сбил пламя ладонью. Хранитель даже не посмотрел на обожжённую ткань.

— Ты бы сгорел.

— Если камера сохранится, другой хранитель займёт место.

Он говорил о собственной смерти как о смене караула.

— Не ломай ему руки, — сказала Ли. — Без страха он не понимает предел.

— Уже заметил.

Савва сел хранителю на ноги.

— Держу научный довод.

Ли подошла к колоколу. Кровавая линия дошла до городского жёлоба, и металл задрожал.

— Закрыть полностью нельзя. Если перекрыть выход, сосуды лопнут.

— Возвращай малыми частями, — сказал Глеб.

— Часть жителей почувствует страх до подготовки врачей.

— Иначе почувствуют все.

Ли положила вокруг колокола три нефритовые пластины. Правая рука дрожала так сильно, что кисть выпала.

Лань подняла её.

— Я могу держать пластину.

— Только пластину. К сосуду не прикасайся.

Савва прочитал строку на колоколе.

— «Общий страх возвращается общине».

— Замени на «принадлежащий каждому». Добавь меру, которую тело примет за один вдох.

— Короткого слова нет.

— Напиши длинно.

Савва начал править строку. Ли соединила первую пластину с городским жёлобом. Колокол дрогнул. Из дальнего сосуда вырвался женский плач и затих.

— Первый поток ушёл, — сказала она. — Меньше сотой части.

На бирке повитухи проступил ответ: дрожь в руках, учащённое дыхание, желание закрыть дверь. Жизнь ей ничего не угрожала, но работать ближайший час она не сможет.

— Записывай реакцию, — сказала Ли Савве. — Если следующая доля окажется сильнее, уменьшим линию вдвое.

— И так для каждого сосуда?

— Иначе возвращение станет новым насилием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.